

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра классической филологии

Классические языки и античная культура:
рецепция, методика преподавания

Материалы Межуниверситетского круглого стола
Минск, 22 января 2025 г.

Минск
2025

УДК 811.124(072)(082)+811.14'01(072)(082)+821.124'02.09(072)(082)+
821.14'02.09(072)(082)

К 476

Решение о депонировании вынес:
Совет филологического факультета
6 марта 2025 г., протокол № 7

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент А. В. Кириченко – отв. ред.;
старший преподаватель Д. Г. Минкевич, А. Ю. Григо

Рецензенты:
Д. Н. Гомон, кандидат филологических наук, доцент кафедры
классической филологии филологического факультета БГУ;
С. С. Хоронеко, кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой русского языка и культуры речи УО «Военная академия
Республики Беларусь».

Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания: материалы Межуниверситетского круглого стола, Минск, 22 января 2025 г. / БГУ, Филологический фак., редкол.: А.В. Кириченко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 94 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике представлены материалы Межуниверситетского круглого стола «Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания», который состоялся 22 января 2025 г. на филологическом факультете БГУ. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания древнегреческого и латинского языков, особенностей перевода текстов с классических языков, подготовки преподавателей латинского языка, а также рецепции античной культуры.

Сборник адресуется преподавателям латинского и древнегреческого языков, студентам специальности «Классическая филология» и всем интересующимся вопросами рецепции античности.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти учителя и коллеги. Ad aeternam memoriam.....	5
<i>Асюк П. В.</i> Prooemium як структурная частка антычнай і пазнейшай лацінскай эпікі.....	7
<i>Гарник А. В.</i> Имена действующих лиц в комедиях Плавта.....	13
<i>Грицевич В. Д.</i> Понятия δίκη, θέμις и νόμος в трудах древнегреческих авторов.....	20
<i>Драгун М. А.</i> Рэцэпцыя вобраза Іфігеніі ў вершы «Пытальнік» Іааны Цацу.....	27
<i>Ермоленко К. Д., Сенько К. В.</i> Методические особенности преподавания медицинской латыни иностранным студентам, обучающимся на русском языке.....	31
<i>Кириченко А. В.</i> Ζήλος: ревность vs зависть (на материале новозаветных текстов).....	35
<i>Котава М. А.</i> Філасофская тэрміналогія перыяду ранняга хрысціянства (на прыкладзе твораў Лактанцыя).....	42
<i>Круглик Н. А.</i> Использование лексических тренажеров при подготовке к занятиям по медицинской латыни.....	46
<i>Леончик Е. С.</i> Семантический и словообразовательный потенциал латинского глагола pello в русском языке.....	50
<i>Литинская Е. П., Жукова М. А., Абрамова А. В., Петрова М. Р.</i> Дистанционный курс «Corpus Linguae Latinae medicinalis»: латинская анатомическая терминология.....	56
<i>Мінкевіч Д. Г.</i> Інавацыйныя падыходы ў выкладанні лацінскай і старажытнагрэчаскай моў студэнтам спецыяльнасці «Класічная філалогія».....	60
<i>Мокрицкая Т. П.</i> Модели образования терминов с антонимичным значением на примере латинской клинической терминологии.....	66
<i>Мушнина Л. Н.</i> О неочевидном значении одного известного латинского крылатого выражения.....	72

<i>Протасевич Н. В.</i> Управляемая самостоятельная работа студентов исторического факультета и факультета философии и социальных наук в рамках изучения дисциплины «Латинский язык».....	77
<i>Стриго Е. В.</i> Семантическое своеобразие непроизводных глаголов с латинской корневой морфемой в русском языке.....	84
<i>Ярошук В. В.</i> Особенности перевода латинской терминологии документов Великого княжества Литовского.....	89
<i>Наши авторы</i>	93

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ. AD AETERNAM MEMORIAM

Осенью 2024 года ушел из жизни Андрей Зиновьевич Цисык (1945–2024) – выдающийся ученый-классик, непревзойденный знаток латинского и древнегреческого языков, блестящий специалист в области медицинской латыни. Для большинства нынешних преподавателей классических языков Беларуси он был наставником, мастером, у которого учились не только специальным дисциплинам (латыни, древнегреческому языку, античной литературе, античной метрике, латиноязычной литературе Беларуси), но и отношению к профессии. Андрея Зиновьевича отличали высочайший

профессионализм, глубокое знание преподаваемого предмета, неподдельная заинтересованность в том, что он делал, чувство юмора, оптимизм, доброжелательность, готовность прийти на помощь.

А. З. Цисык организовал и на протяжении 25 лет возглавлял кафедру латинского языка Белорусского государственного медицинского университета. Андрей Зиновьевич – автор шести учебников и четырех учебных пособий по латинскому языку для вузов и медицинских училищ Республики Беларусь, автор и соавтор пятнадцати методических пособий, учебных словарей и практикумов. Он также организовал преподавание дисциплины «Латинский язык» на английском языке для иностранных студентов БГМУ и составил на английском языке учебные пособия и учебники для этих студентов.

Всего А. З. Цисык – автор более 200 печатных работ, среди которых учебная, учебно-методическая и научная литература, статьи и тезисы научных докладов по медицинской латыни и классической филологии, по античной литературе, новолатинской литературе Беларуси, культурологии, участник многих научных конференций в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украине.

Андрей Зиновьевич активно популяризировал античную литературу и культуру в интернете на своем сайте «Античность и современность Андрея Цисыка», где записал около восьмидесяти видеолекций.

Андрей Зиновьевич всегда активно отзывался на приглашения выступить на различных конференциях. Вот и в январе 2024 г. он был участником Межуниверситетского круглого стола «Методика преподавания латинского языка и дисциплин классического цикла», где выступил с двумя интереснейшими докладами; планировал выступить и в 2025 г. на Межуниверситетском круглом столе «Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания», но, к сожалению, не получилось.

Дорогой Андрей Зиновьевич, мы, Ваши коллеги, ученики, друзья, всегда будем помнить Вас и равняться на Вас.

От редакторов

PROOEMIUM ЯК СТРУКТУРНАЯ ЧАСТКА АНТЫЧНАЙ І ПАЗНЕЙШАЙ ЛАЦІНСКАЙ ЭПІКІ

Асюк П. В.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Анатацыя. Разглядаецца функцыя *prooemium* як структурнай часткі эпічнай паэмы, гісторыя гэтай эпічнай структуры, яе асноўныя складнікі, прыводзяцца прыклады *prooemium* у асноўных антычных і некаторых пазнейшых паэмах.

Ключавыя словы: прооэміум; інвакацыя; запеў; Гамер, Вергілій, Хрыстафор Завіша.

Гамераўскі эпас лёг у аснову пазнейшага грэчаскага і лацінскага эпічнага вершаскладання. Асноўныя структурныя часткі эпаса, такія як экфрасісы, эпічныя каталогі, батальныя сцэны і г.д., маюць аснову ў творах Гамера. Адною такой важнай структурнай часткай, часта найбольш заўважнай у паэме, сталі ўступы, якія можна называць словам *prooemium* (лацінізаваная форма грэчаскага слова *προοίμιον*), што перакладаецца як «уводзіны» або «ўступ».

«Іліяда» Гамера пачынаецца так: *Μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος* [Ном. II, I, 1] («Гнеў, о багіня, спявай Пэлейвага сына Ахіла» – тут і далей пераклад з грэчаскай і лацінскай моў наш – П. А.). На працягу наступных сямі радкоў ствараецца свайго роду заяўка асноўнай тэмы эпаса. Падобным чынам будуецца першыя радкі іншага гамераўскага эпаса – «Адысеі». Зноў звяртаючыся да музы, Гамер расказвае пра Адысея нават у большых дэталях. Паколькі паэмы Гамера сталі прыкладам і аб'ектам імітацыі для пазнейшых паэтаў, пасуе разгледзець структуру эпічнага ўступа на прыкладзе «Адысеі»:

*ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν·
πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω,
πολλὰ δ' ὃ γ' ἐν πόντῳ πάθεν ἄλγεα ὃν κατὰ θυμόν,
ἀρνύμενος ἣν τε ψυχὴν καὶ νόστον ἐταίρων.
ἀλλ' οὐδ' ὧς ἐτάρους ἐρρύσατο, ἰέμενός περ·
αὐτῶν γὰρ σφετέρησιν ἀτασθαλίησιν ὄλοντο,
νήπιοι, οἳ κατὰ βοῆς Ὑπερίονος Ἥελίοιο
ἦσθιον· αὐτὰρ ὁ τοῖσιν ἀφείλετο νόστιμον ἦμαρ.*

τῶν ἀμόθεν γε, θεά, θύγατερ Διός, εἶπε καὶ ἡμῖν [Hom. *Od*, I, 1–10].

(«Мужа мне спявай, Муза, хітрага, каторы вельмі многа павандраваў, калі разбурываў святы горад Трою: гарады многіх людзей убачыў і нораў зведаў, многа ж на моры сцярапеў балючага, таго, што тычыцца душы, клапаціўшыся пра сваю душу і вяртанне таварышаў. Але не выратаваў таварышаў, хоць вельмі хацеў: бо яны згінулі праз сваю несумленнасць, дурныя, з’елі быкоў Гэліоса Гіпэрыёна: ён іх пазбавіў дня вяртання. Пра гэта, багіня, дачка Зэўса, скажы і нам»).

Першы радок звычайна з’яўляецца зваротам да музы, пазней гэты прыём пачаў называцца «інвакацыя». Пасля гэтага ідзе моцна абагуленае апісанне далейшых падзей паэмы. Першае слова і ўступа, і ўсёй паэмы звычайна непасрэдна звязанае з тэматыкай твора: *μῆνις* Ахіла ў «Іліядзе», *ἀνήρ*, то бок сам Адысэй ў «Адысэі». У выпадку апошняй паэмы зварот да музы паўтараецца двойчы, яшчэ і ў дзясятым радку. Муза звычайна не называецца па імені, аднак мае сінонім – *θεά* «багіня». Па падобнаму прынцыпу складаліся ўступы і да паэм пазнейшых антычных паэтаў. Прычым гамераўская традыцыя ўступу з заклікам да музы надзвычай моцна ўкаранілася ў эпічнай паэзіі, настолькі, што з усяго корпусу антычнай эпікі толькі дзве паэмы не маюць традыцыйнай інвакацыі: «*Bellum Civile*» Лукана і «*Posthomerica*» Квінта Смірнэйскага, дзе адсутнасць уступу тлумачыцца тым, што паэма стваралася як працяг «Іліяды» і падхоплівае нарматыў з таго месца, дзе скончылася гамераўская паэма [7, с. 495].

Творы паэтаў эпохі рэспубліканскага Рыму дайшлі да нас занадта фрагментарна, каб можна было з упэўненасцю даследаваць структуру ўступаў.

Найбольш уплывовай у далейшым развіцці лацінскай эпічнай традыцыі наогул сталася «Энэіда» Вергілія. Яе ўступ варта разгледзець больш дэталёва:

*Arma virumque cano, Trojae qui primus ab oris
Italiam, fato profugus, Laviniaque venit
Litora, multum ille et terris jactatus et alto
Vi superum saevae memorem Junonis ob iram;
Multa quoque et bello passus, dum conderet urbem,
Inferretque deos Latio, genus unde Latinum,
Albanique patres, atque altae moenia Romae.
Musa, mihi causas memora, quo numine laeso,
Quidve dolens, regina deum tot volvere casus*

Insignem pietate virum, tot adire labores

Impulerit. Tantaene animis caelestibus irae? [Verg. A. I, 1–11].

(«Зброю і мужа п'яю, каторы першы ад берагоў Троі у Італію, выгнаны лёсам, і на Лавінійскія берагі прыйшоў, многа ён пакіданы па землях і вадзе сілай багоў, праз злапомны гнеў лютай Юноны; многае таксама і на вайне сцярпеў, пакуль не заснаваў горад, і ўнёс багоў у Латыі, адкуль лацінскі род і албанійскія айцы і сцены высокага Рыма. Муза, мне прычыны ўспомні, чым так была пакрыўджаная сіла, або чаму засмучаная царыца багоў вымусіла бліскучага пабожнасцю мужа прайсці праз столькі бедаў, столькі ўзяць на сябе выпрабаванняў. Ці такі гнеў у нябесных душах?»).

Тут мы бачым некаторы адрыв ад гамераўскай традыцыі. Распачынаецца паэма з заяўкі тэмы (*arma virumque*), аднак заклік музы пераносіцца на восьмы радок. Замест гэтага паэт карыстаецца дзеясловам *canere* («спяваць») у першай асобе. Такі прыём можна называць «запеў». Тэматыка паэмы абазначаецца першымі дзвюма словамі, аднак абазначаецца больш шырокая тэма *arma* («зброя», то бок вайна) і *vir* («муж», то бок Энэй). Пра дзеі гэтага «мужа» і расказваецца да восьмага радка, дзе размяшчаецца зварот да музы. Такая структура не зусім новая для Вергілія. Напрыклад, кіклічная паэма «Малая Іліяда», аўтар якой нам дакладна не вядомы і якая захавалася толькі ў некалькіх фрагментах, пачыналася так:

Ἴλιον ἀείδω καὶ Δαρδανίην εὐπωλον,

ἧς περὶ πόλλα πάθον Δαναοὶ θεράποντες Ἄρηος [2, с. 124].

(«Іліон спяваю і Дарданію многаконную, за якую многае сцярпелі данайцы слугі Арэса»).

Наконт стылю ўступу выказваецца Гарацый у «Ars Poetica», крытыкуючы прыём, якім скарыстаўся Вергілій:

Nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim:

«Fortunam Priami cantabo et nobile bellum» [Hor. Ars P. 136–137].

(«Не так пачынай, як некалі кіклічны пісьменнік: “Лёс Прыяма я заспяваю і шляхетную вайну”»).

Пры гэтым прыўносіцца традыцыйны, гамераўскі ўступ. Гарацый наўпрост адсылае нас да «Адысеі»:

Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte:

«Dic mihi, Musa, virum, captae post tempora Troiae

Qui mores hominum multorum vidit et urbes» [Hor. Ars P. 140–142].

(«Наколькі больш правы той, хто ніколі па-дурному не стараецца: “Скажы мне, Муза, мужа, каторы ў часы пасля таго, як захоплена была Троя, пабачыў норавы і гарады многіх людзей»).

Уплыў «Энэіды» на лацінскую і агулам еўрапейскую літаратуру складана ацаніць [7, с. 2633]. Аднак, вергіліеўскі стыль *prooemium* быў не настолькі ўсеагульна імітаваны рымскімі аўтарамі, як некаторыя іншыя часткі яго паэмы. У паслявергіліеўскай рымскай эпіцы Валерый Флак у «Арганаўтыцы» паўтарае вергіліеўскую структуру, з «запевам» праз дзеяслоў *canere*, а толькі потым зваротам да боства па натхненне. Лукан карыстаецца дзеясловам *canere*, аднак апускае зварот да музы. Стацый у «Тэбаідзе» увогуле адыходзіць ад традыцыі, пішучы што:

evolvere Thebas

Pierius menti calor incidit [Stat. *Theb.* I, 2–3].

(«Піерыйскі жар ў розуме распаліў расказаць пра Фівы»).

У «Ахілеідзе» ж Стацый карыстаецца гамераўскай формулай: *diva, refer* («багіня, паведамь») [Stat. *Achil.* I, 3].

Сілій Італік у «Пуніцы» бліжэй да Вергілія, ён распачынае паэму з дзеяслова *ordior* («я пералічваю»), пасля чаго ужо ў трэцім радку звяртаецца да музы.

Прыход хрысціянства аказаў уплыў і на ўступы да эпічных паэм. Некаторыя аўтары, нават хрысціянскія, працягвалі звяртацца да муз, дзейнічваючы згодна з літаратурнай традыцыяй, а некаторыя замянілі муз на хрысціянскія фігуры. Напрыклад, Прудэнцый у «Псіхамахіі» звяртаецца да Хрыста [7, с. 524–527].

У далейшым развіцці традыцыі эпічных уступаў цяжка прасачыць нейкі адзін аб’ект імітацыі. Звычайна гэта станавіўся адзін з паэтаў-класікаў. Напрыклад, Вальтэр Шатыльёнскі, аўтар адной з найпапулярнейшых эпічных лацінскіх паэм Сярэднявечча «Александрэіда», ва ўступе відавочна імітуе «Ахілеіду» Стацыя. Пералічваюцца дзеі Аляксандра, пасля чаго пішацца *Musa refer* («муза, паведамь») [3, с. 5].

У часы Рэнэсансу «Энэіда» замацавалася як паэтычны ідэал і аб’ект імітацыі. Як вынік ўступы да новых паэм усё больш і больш будаваліся на аснове твора Вергілія. Аднак пры гэтым паэты часта адсылаюць і да іншых класічных паэтаў. Напрыклад, паэт часоў Рэнэсансу Пётро Анджэлі да Барга ў сваёй паэме «Сірыяда» відавочна імітуе Вергілія: у другім радку піша *arma cano*, змяшчае ўвесь уступ у такую ж колькасць радкоў, як і ў «Энэідзе», карыстаецца той жа лексікай. Аднак пры ўсім гэтым

прасочваюцца і адсылкі да іншых класічных мадэляў: «Іліяды» Гамера і «Тэбаіды» Стацыя [7, с. 2633–2634].

У лацінамоўных паэтаў ВКЛ і Рэчы Паспалітай сітуацыя іншая і прасочваецца некаторы адрыў ад класічнай традыцыі. У Яна Вісліцкага ў «Прускай вайне» традыцыйнага ўступу ўвогуле няма [1, с. 113], а Ян Радван у «Радзвіліядзе» пачынае паэму з даволі доўгага разважання наконт тэматыкі іншых паэм і толькі ў 16-ым радку праз дзеяслоў *canere* заяўляе тэматыку, а трохі пасля звяртаецца адразу да дзвюх муз, называючы іх па імені. Прычым ён не просіць, каб музы расказалі нешта самому паэту, а заклікае іх уславіць Радзівіла [6, с. 23–24]. Хрыстафор Завіша ў «Караламахіі» на першы погляд бліжэй трымаецца антычнага ідэала. Першы радок – відавочная імітацыя Вергілія:

Ausa ducesque cano... [Zawisz. *Carl.* I, 1].

(«Ратныя подзвігі ды войскаводаў пяю...»).

Аднак на гэтым класічны строй уступу заканчваецца. Ужо ў другім радку Завіша паўтарае дзеяслоў *cano*, найперш звяртаецца да Марса, а муза ўзнікае толькі ў 25-ым радку, ды і ёй ледзь не загадвае «напісаць гэта імя [Хадкевіча] на вечным кедры» [9, с. 13].

З лацінскай эпікі *prooemium* перайшоў у эпіку еўрапейскую. Эпічныя ўступы ёсць і ў Мільтана, і ў Міцкевіча, які, як вядома, звяртаецца не да музы, а да Літвы.

Такім чынам, яшчэ ў гамераўскі перыяд *prooemium* выдзеліўся як эпічная структура. Першасна эпічны ўступ складаўся з закліка да муз («інвакацыю») і сціслага апісання далейшых падзей твора. Агулам акрэслівалася тэматыка твора. У пазнейшы перыяд да гэтай структуры быў дададзены «запеў» – выражэнне асноўнага аб'екта паэмы праз дзеяслоў спявання. «Запеў» мог як і замяняць «інвакацыю», так і дадавацца да яе. У лацінскай эпіцы мадэллю для імітацыі стаў уступ да «Энэіды», які меў і «запеў» і «інвакацыю». Пазнейшыя рымскія паэты, хоць і аглядаліся на твор Вергілія, аднак не заўсёды абіралі яму пераймаць. У пазнейшыя часы паэты ўсё часцей бралі «Энэиду» за аб'ект імітацыі, аднак дабаўлялі туды адсылкі і на іншыя эпічныя рымскія паэмы. Часам, асабліва ў позні Рэнесанс і ранняе барока, *prooemium* мог глыбока дэканструявацца. «Запеў» і «інвакацыя» маглі губляць сваё першаснае значэнне ці сур'ёзна відазмяняцца. Аднак *prooemium* усё адно застаўся адной з найбольш пазнавальных частак любой эпічнай паэмы.

ЛІТАРАТУРА

1. Joannis Visliciensis. *Bellum Prutenum* = Вісліцкі Ян. Пруская вайна: На лацінскай і беларускай мовах / Уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск : Прапілеі, 2005. – 233 с.
2. *Greek Epic Fragments* / Edited and Translated by Martin L. West. LCL. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2003. – 316 с.
3. Gualterus de Castiglione. *Alexandreis* / Recensuit F.A.W. Mueldener. Leipzig: Teubner, 1843. – 239 с.
4. Homer. *The Iliad. Books I–XII*. LCL. London : William Heinemann, 1928. – 544 с.
5. Homer. *The Odyssey* / Translated by A. T. Murray. LCL. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2003. – 316 с.
6. [Radvanus Ioannes] *Radivilias sive De vita et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili <...> libri quattuor Ioannis Radvani Lit[uani] <...> Vilnae metropoli Lituorum: Ex officina Ioannis Kartzani, [1592]*. – 166 с.
7. Reitz, Christiane and Finkmann, Simone. *Structures of Epic Poetry: Vol. I: Foundations. Vol. II.1/II.2: Configuration. Vol. III: Continuity*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. – 2760 с.
8. Virgil. *Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI*. LCL. London: William Heinemann, 1916. – 506 с.
9. [Zawisza Christophorus]. *Carolomachia, qua felix victoria, ope Divina, auspiciis Sigismundi III. ... Seren[issimo] Principi Wladislao a Christophoro ... Zawisza, in alma Vilnensi Academia Societ. Jesu, studioso D.D. Vilnae, [1606]*. – 76 с.
10. Publius Papinius Statius. *Achilleis* [Электронны рэсурс] // URL: <https://www.thelatinlibrary.com/statius/achilleid1.shtml> (дата звароту: 13.01.2025).
11. Publius Papinius Statius. *Thebais* [Электронны рэсурс] // URL: <https://www.thelatinlibrary.com/statius/theb1.shtml> (дата звароту: 13.01.2025).
12. Quintus Horatius Flaccus. *Ars poetica* [Электронны рэсурс] // URL: <https://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml> (дата звароту: 13.01.2025).

ИМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В КОМЕДИЯХ ПЛАВТА

Гарник А. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются имена действующих лиц в произведениях Плавта, их происхождение и сравнение с именами в греческих оригиналах римских комедий. Отмечается совпадение многих имен в комедиях Плавта и Теренция. Анализируется структура и значение имен, созданных самим Плавтом.

Ключевые слова: комедия, действующие лица, Плавт, новая аттическая комедия, Теренций, парасит, раб, гетера.

Истоки римской литературы, как известно, представляют собой переводы греческих оригиналов и подражание им. В 240 г. до н.э. грек-вольноотпущенник Ливий Андроник из Тарента подготовил для показа на общенародном римском празднике комедию и трагедию, переведя для этого соответствующие древнегреческие оригиналы. А так как его перу принадлежит и перевод «Одиссеи», то, по мнению И. М. Тронского, «он положил начало всем основным жанрам ранней римской литературы» [7, с. 279]. И эта тенденция сохранялась в римской литературе долгие годы. Её продолжали классики римской комедии Плавт и Теренций, чьи комедии представляли собой переработку греческих образцов. Но, как отмечает И. М. Тронский, «несмотря на всю внешнюю подражательность, многие особенности греческой литературы пропадали при перенесении в иную общественную среду, и греческие жанры подвергались в ней значительным изменениям» [7, с. 277].

По словам В. Н. Ярхо, Плавт, опираясь на греческий оригинал, вносил в него много своего, часто изменяя первоначальный замысел греческого автора. Кроме того римская комедия часто представляла собой контаминацию нескольких греческих комедий, причем разных авторов.

Действие комедий Плавта разворачивается в Греции, называются греческие реалии и обстоятельства, но часто этот греческий фон, как отмечает В. Н. Ярхо, выглядит карикатурно. В комедиях Плавта причудливо сочетаются черты, характерные для жизни Греции и Рима: действие происходит в Греции, но герои называют богов римскими, а не греческими именами, упоминаются римские храмы, римские должностные лица, римский сенат [8, с. 62-63].

Герои паллиаты носят греческие имена, хотя чаще всего они не совпадают с именами героев греческих оригиналов. Немецкий ученый К. Шмидт в своей монографии «Die griechischen Personennamen bei Plautus» на основании анализа приходит к выводу, что только 14 из 269 имен, используемых Плавтом, восходит к оригиналу. Однако столь небольшая цифра может объясняться плохой сохранностью произведений средней и новой аттической комедии.

К. Шмидт рассматривает следующие способы именования действующих лиц в комедиях Плавта:

1) имена, восходящие к греческому оригиналу комедии; таких примеров он отмечает только 14. В их числе он называет эфесские имена в «Вакхидах» *Megalobulus*, *Theotimus*, *Pelago*, предположительно заимствованные у Менандра. А также восходящие к неизвестным оригиналам средней и новой аттической комедии имена из «Менехмов» *Messenio*, *Moschus*, *Sosicles*.

2) имена, встречающиеся у разных представителей средней и новой аттической комедии, в количестве 80. Из них у Менандра встречаются *Vacchis*, *Lydus*, *Demipho*, у Филемона – *Charinus*, *Delphium*, *Callicles*, у Дифила – *Lysidamus*, *Nicodemus*, *Ampelisca*.

3) имена, известные из других источников, в том числе из надписей. Таких больше всего – 87. В их числе *Cleomachus*, *Philoxenus*, *Megadorus*.

4) имена, созданные самим Плавтом из компонентов, представляющих собой реальные греческие слова – 40: *Artotrogus*, *Purgopolinices*, *Diniarchus*, *Therapontigonus*.

5) имена, не засвидетельствованные никакими источниками в качестве греческих имен, но по способу образования вполне возможные – 48: *Acroteleutium*, *Philocomasium*, *Sceledrus* [10, с. 621].

Немецкий исследователь Плавта Фр. Лео считает, что римские комедиографы в основном не сохраняют имена действующих лиц при заимствовании сюжетов у греческих авторов. Но при этом имена героев римской комедии в целом восходят к тем именам, которые встречаются в произведениях авторов новой аттической комедии. На этот факт указывает совпадение достаточно многих имен героев в комедиях Плавта и Теренция, и они часто относятся к одинаковым действующим лицам. Например, и у Плавта, и у Теренция имя *Murrhina* носит матрона (в комедиях «Касина» Плавта и «Свекровь» Теренция), а имя *Vacchis* – гетера (в комедиях «Вакхиды» Плавта и «Самоистязатель» и «Свекровь» Теренция). В последнем случае можно предполагать, что имя Вакхида в принципе

ассоциировалось с образом гетеры. Что вполне объяснимо, так как оно восходит к имени бога Вакха и его жриц-вакханок. Б. Варнеке в статье «К вопросу об именах действующих лиц у Плавта и Теренция», анализируя только женские имена в комедиях, отмечает, что «из 18 женских имен, встречающихся у Теренция, уже 5 встречается раньше у Плавта» [1, с. 448]. Имя Demipho встречается у Плавта в комедии «Купец» и у Теренция в комедии «Формион». В обеих комедиях это имя принадлежит старикам. У обоих авторов встречается имя Simo («Привидение» Плавта и «Девушка с Андроса» Теренция), которым обычно называют в комедии обманутых стариков. А встречающееся и у Плавта, и у Теренция имя раба Sygus стало в комедии нарицательным именем раба. Эти совпадения вряд ли случайны и скорее всего они отражают какие-то общие тенденции именования героев, которые восходят к средней и новой аттической комедии.

Фр. Лео считает, что большинство имен в комедиях Плавта, как правило, восходит к именам, встречающимся в аттической комедии. А остальные встречающиеся в комедиях имена могут быть взяты из жизни или придуманы автором. Причем в последнем случае образцом для Плавта часто служила древняя аттическая комедия [9, с. 98]. В частности, можно указать на пример Аристофана с его выразительными именами персонажей: Δικαίολις, состоящее из корня прилагательного δίκαιος (справедливый) и существительного πόλις (город), Φειδιππίδης, созданного из корней глагола φείδομαι (щадить, жалеть) и существительного ἵππος (лошадь), Βδελυκλέων, построенного из компонентов βδελυκτός (отвратительный) и κλέος (слава). Все эти имена отражают сущность персонажа, являясь характеризующими его роль в комедии. Этому правилу следует и Плавт, создавая имена для некоторых своих героев. Но ему возражает К. Шмидт, считая, что именование действующих лиц у Плавта отражает скорее традиции италийского народного театра (аттеланы, балагана), а не подражание Аристофану.

В качестве имен, не встречающихся в греческой комедии, К. Шмидт приводит серию имен, оканчивающихся на -archus, -cles и -irrus, которые фигурируют в комедиях Плавта. Например, Alcesimarchus, имя юноши в комедии «Шкатулка», Agorastocles, также имя юноши в комедии «Пуниец», Pamphilirrus, юноша в комедии «Стих». Тем не менее, все эти имена образованы на основе компонентов, которые в принципе встречаются при создании греческих имен и не противоречат правилам греческого именования. Они вполне могли бы встречаться в жизни.

Элий Донат в своих комментариях к Теренцию отмечает, что автор комедии часто дает персонажу говорящее имя, сообразуясь с характером действующего лица и родом его деятельности. Он пишет: «Hinc servus fidelis Parmeno, infidelis vel Syrus vel Geta, miles vel Thraso vel Polemon, iuvenis Pamphilus, matrona Myrrha et puer vel ab odore Storax vel a ludo et a gesticulatione Scirtus et item similia» («Поэтому верный раб – Парменон (от греческого παρ-μένω «стойко держаться»), неверный – или Сир или Гета (от названий народов Σύροι «сирийцы», Γέται «геты»), воин – или Трасон (от греч. θράσος «отвага») или Полемон (от греч. πόλεμος «война»), матрона – Миррина (от греч. μυρρίνη «миртовая ветвь») и мальчик или от запаха – Сторакс (от греч. στύραξ «благовонная смола дерева стиракс»), или от игры и жестикуляции – Скирт (от греч. σκίρτάω «прыгать, скакать»)» – перевод и комментарий наш – А. Г.).

Этому правилу следует и Плавт в наименовании своих героев. Принцип, по которому выбирается имя персонажа, основывается на соответствии имени характеру действующего лица. Как правило, имена стариков в комедиях имеют положительную окраску, если речь идет о персонаже, вызывающем симпатию. Например, старик в «Псевдоле» носит имя Callipho (Καλλίφων), богатый старик в «Кубышке» – Megadorus (Μεγάδορος), доброжелательный и либеральный отец в «Вакхидах» – Philoxenus (Φιλόξενος). Все эти имена встречаются или в греческой комедии, или в письменных источниках, в том числе надписях, Греции. Если это новообразования Плавта, то они созданы по моделям, встречающимся в греческом именовании и вполне возможным в жизни.

Для римских зрителей были понятны говорящие имена персонажей, так как они понимали греческий язык. После завоевания Греции в Риме появилось много греческих рабов и греческий язык был там на слуху.

Следует отметить, что в вопросе наименования Плавт следует принципу давать придуманные имена в основном отрицательным героям, которые служат объектами насмешки, в том числе и посредством имени. Как отмечает Л. М. Савельева в работе «Приемы комизма у Плавта», «В целях комизма Плавт использует и имена действующих лиц, особенно воинов, паразитов, рабов. Такие имена нередко служат у Плавта одним из средств сатирической характеристики» [5, с. 58]. Наибольшей выразительностью обладают имена отрицательных персонажей, служащих объектами насмешки в комедии. Например, герой комедии «Хвастливый воин», отличающийся пустым бахвальством и враньем, назван Purgopolynices (Πυργο-πολυ-νίκης). В этой же комедии упоминается еще

один воин, двойное имя которого звучит очень комично: *Bombomachides Clutumistaridisarchides*. Говорящее имя и у воина в «Псевдоле» – *Polymachaeroplages* (Πολυ-μαχαιο-πλαγ-ίδης). Еще одно сложное имя воина встречаем в комедии «Куркулион» – *Therapontigonus* (Θεραποντιγονος) с прозвищем *Platagidor* (Πλαταγιδωρ), образованным от греческих слов – *πλαταγέω* (трещать, гудеть) или *ἡ πλαταγή* (трещотка).

Отрицательными персонажами в комедии всегда являются ростовщики, менялы, сводники. И, как правило, их имена являются характеризующими, отражающими сущность героя комедии. Так меняла в «Куркулионе» назван *Luso*, а сводник в «Пунийце» – *Lucus*, что вызывает ассоциацию с греческим словом *ὁ λύκος* (волк). Сводник в «Канате» носит имя хищной рыбы с огромной пастью – *Labrax*. Ростовщик в «Привидении» назван *Misargyrides* (Μισ-αργυρ-ίδης – «ненавидящий серебро»), по контрасту с его собственными пристрастиями

Еще одна категория героев, носящих в комедии говорящие, придуманные самим автором смешные имена, это паразиты. Имя паразита в «Хвастливом воине» *Artotrogus*, образованное из греческих слов *ὁ ἄρτος* (хлеб) и *τρώγω* (грызть). В комедии «Стих» паразит назван именем *Gelasimus*, которое представляет собой греческое прилагательное *γελάσιμος* (смешной). Еще одна разновидность имен паразитов представляет собой или латинские слова, или греческие по происхождению, но вызывающие ассоциации с латинскими. Речь идет об именах *Curculio*, представляющем собой латинское существительное *curculio, onis m* «хлебный червь», *Peniculus* – от существительного *peniculus, i m* «губка», а также *Saturio*, восходящего к греческому *Σατυρίων*, но ассоциирующегося с латинским прилагательным *satur* «сытый», смешно звучащее по контрасту с вечно голодным паразитом.

Имена рабов, в отличие от имен свободных людей, редко бывают сложными. Часто это просто этнонимы, например, *Syrus*, *Lydus*. Иногда это имена говорящие, дающие представление о характере персонажа, как например, *Naграх* (ἀρπάζω «красть, похищать»), *Corax* (ὁ κόραξ «ворон» (как похититель золота)). Но и здесь бывают исключения, и наиболее интересное – это сложное имя раба *Pseudolus*, так как оно представляет собой гибридный композит, состоящий из греческого корня *ψευδ-* «обман» и латинского слова *dolus* «хитрость».

Имена гетер и любовниц часто представляют собой одинаковую морфологическую форму. По словообразовательному типу это часто слова с суффиксом *-ium* от греческого суффикса *-ιον*, с помощью которого

образуются уменьшительные женские имена (по типу уменьшительных имен животных: ἑλάφιον, λεόντιον). Например, Philenium, гетера в комедии «Ослы», Acroteleutium, гетера в «Хвастливом воине», Philematium и Delphium, гетеры в «Привидении». В связи с последним именем следует отметить, что имена, образованные от географических объектов, типичны исключительно для гетер и рабынь и не характерны для свободных женщин. Часто имена гетер говорящие, свидетельствующие об их роде деятельности. Например, Erotium в «Менехмах», Gymnasium в «Шкатулке», Phronesium в «Брюзге». Правда, такого же морфологического типа имена могут иметь молодые девушки, например, Philocomasium в «Хвастливом воине». Но в последнем случае имя не имеет негативной коннотации, а наоборот, вызывает ассоциации с чем-то приятным. Первая его часть восходит к греческому прилагательному φίλος («милый, приятный»), а вторая часть – встречающееся греческое женское имя Κομάσιον.

Хотелось бы упомянуть еще о вариантах передачи имен действующих лиц в русских переводах комедий Плавта. Перевод всех комедий Плавта был сделан А. В. Артюшковым. Этот перевод представлен в трехтомнике издания «Академии» в тридцатых годах XX в. под редакцией и с комментариями М. М. Покровского. Но несколько комедий существует и в других переводах. В 1919 г. появился перевод комедии «Menechmi», выполненный театральным режиссером С. Радловым и названный «2 Менехма». В 1924 г. был издан перевод «Куркулиона» в переводе Ф. Петровского и С. Шервинского. Кроме того, есть перевод «Пленников», осуществленный Я. Боровским. В этих переводах есть, хоть и небольшие, варианты передачи имен персонажей. Самый интересный – в переводе С. Радлова, где паразит Peniculus назван *Столовая Щетка*, т.е. буквальным переводом латинского существительного. Остальные различия чисто фонетические. Они касаются передачи в русском языке греческой θ: у А. Артюшкова имя Therapontigonus звучит Ферапонтигон, а в переводе Ф. Петровского и С. Шервинского – Терапонтигон.

Вариации есть и в переводе названий комедий. Это уже упомянутый вариант С. Радлова «2 Менехма». Эта же комедия в издании 1933 г. названа «Близнецы». Вообще, в издании «Академии» 30-х годов многие комедии названы не так, как в принято в современных изданиях: «Стих» (Stichus) – «Господа и рабы», «Куркулион» (Curculio) – «Проделки паразита», «Псевдол» (Pseudolus) – «Раб-обманщик», «Касина» (Casina) – «Жребий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Варнеке, Б.В. К вопросу об именах действующих лиц Плавта и Теренция. / Б.В. Варнеке // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. – СПб., 1906, № 5. – С. 445-459.
2. Плавт, Т.М. Избранные комедии. Пер. А.В. Артюшкова. Под ред. и с прим. М.М. Покровского / Т.М. Плавт. – [М. : Л.]: Academia, 1933. – 613 с.
3. Плавт, Т.М. Избранные комедии. Пер. А.В. Артюшкова. Под ред. и с прим. М.М. Покровского / Т.М. Плавт. – [М. : Л.]: Academia, 1935. – 575 с.
4. Плавт, Т.М. Избранные комедии. Пер. А.В. Артюшкова. Под ред. и с прим. М.М. Покровского / Т.М. Плавт. – [М. : Л.]: Academia, 1937. – 393 с.
5. Плавт, Т.М. Избранные комедии. Пер. с латинского. Издание осуществляется под общей редакцией С.Апта, М.Грабарь-Пассек, Ф.Петровского, А.Тахо-Годи, С.Шервинского / Т.М. Плавт. – М.: изд. «Художественная литература», 1967. – 662 с.
6. Савельева, Л.И. Проблемы комизма у Плавта / Л.И. Савельева – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 77 с.
7. Тронский, И. М. История античной литературы: Учебник для ун-тов и пед. ин-тов / И.М. Тронский. – 4 изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 464 с.
8. Ярхо, В. Н. Античная комедия. Учебное пособие / В.Н. Ярхо, К.П. Полонская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 104 с.
9. Leo, Fr. Plautinische Forschungen. Zur Kritik und Geschichte der Komodie von Friedrich Leo / Fr. Leo. – Berlin, 1895. – 346 S.
10. Schmidt, K. Die griechische Personennamen bei Plautus / K. Schmidt // Hermes (Zeitschrift für klassische Philologie). – В. 37, № 1-4, 1902. – S. 173-211, S. 353-390, S. 608-626.

ПОНЯТИЯ ΔΙΚΗ, ΘΕΜΙΣ И ΝΟΜΟΣ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ

Грицевич В. Д.

Белорусский государственный университет, Минская духовная академия

Аннотация. В статье анализируются ключевые понятия древнегреческой литературы: θέμις, δίκη и νόμος, их семантическая эволюция и функции в контексте произведений Гомера и Гесиода. Особое внимание уделено персонификации θέμις и δίκη как божественных сил, поддерживающих космический порядок и справедливость. Νόμος, изначально отражавший божественную волю, трансформируется в символ человеческого закона. В статье также исследуются библейские параллели, подчеркивающие универсальность представлений о праведности и законе.

Ключевые слова: θέμις, δίκη, νόμος, древнегреческая литература, Гомер, Гесиод, Фемида, Дике, космический порядок, праведность.

Понятия δίκη, θέμις и νόμος занимают одно из ключевых мест в древнегреческой литературе, на основе которых выстраиваются представления о законе, справедливости и общественном порядке. Эти лексемы не только отображают специфику взглядов древних на устройство мира и правопорядка, но и иллюстрируют сложные взаимосвязи между божественными и человеческими законами, между абсолютным и относительным порядком. Согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого, θέμις – это ‘установление, (обычное) право, (нерушимый) обычай, долг, священная обязанность, закон, законность, справедливость, суд, судилище, судебное решение, приговор возмездие, кара, веления (воля) богов, законы, права, судебная власть, законность, правопорядок, правосудие, установленная дань, налоги, подати’ [5, с. 775], δίκη – это ‘обычай, уклад право, справедливость, законность, судебное дело, судебный процесс, тяжба (частная), судебное решение, приговор, решение, веление, закон, тж. πl. возмездие, кара, наказание’ [5, с. 406], νόμος – ‘обычай, установление, законоположение, закон’ [6, с. 1138].

В основе греческого понимания справедливости лежит представление о божественном порядке (θέμις) и его адаптации к человеческому миру через δίκη. Νόμος же символизирует упорядочение, переходящее в сферу человеческого законодательства. В трудах Гомера и Гесиода прослеживается персонификация θέμις и δίκη, которые становятся

самостоятельными божествами и чьи функции связаны с поддержанием гармонии и справедливости в мире. Становление данных понятий можно сопоставить с библейскими текстами, где закон, судьба и праведность также часто изображаются в категориях космического порядка и божественного вмешательства.

Концептуальные различия заключаются в том, что **θέμις** выражает божественный порядок и нормы, диктуемые высшими силами, *δίκη* представляет справедливость в ее прикладном и человеческом измерении, *νόμος*, как продукт человеческого разума, фиксирует автономность человеческого закона, формирующегося в условиях полисного устройства. На протяжении веков значения этих понятий менялись, отражая переход от мифологического мировоззрения к философскому осмыслению права. Нидерландский филолог, составитель этимологического словаря греческого языка, Р. С. Р. Бекес считает, что слово **θέμις** вошло в греческий язык из догреческого языкового субстрата [9, с. 539], однако французский лингвист Э. Бенвенист, полагает, что **θέμις** восходит к корню *θε-*, (однокоренное с *τίθημι* ‘класть, устанавливать’ [1, с. 299]), что изначально могло обозначать акт божественного предопределения порядка и было противопоставлено *δίκη* [1, с. 299]. Данное понятие включает в себя универсальную гармонию, установленную богами, и является олицетворением космического порядка, который распространяется на мир людей. Этот аспект хорошо прослеживается в эпической греческой литературе, где **θέμις** персонализируется в **Θέμις** ‘Фемиду’, богиню справедливости, олицетворяющую божественный порядок, закон и обычай [9, с. 539]. В «Илиаде» Гомер описывает Фемиду как ту, которую не смеют ослушаться даже верховные боги:

ὥς οἱ μὲν Διὸς ἔνδον ἀγηγέρατ’· οὐδ’ ἐνοσίχθων νηκοῦστησε θεᾶς
[*Θέμιδι*] / Так собирались к Зевсу бессмертные; сам Посидаон не был
Фемиде преслушен (II. XX:13–14).

Хотя в «Илиаде» Фемида упоминается только в двух песнях, из контекста можно утверждать, что она обладает непререкаемым авторитетом и возвышается над всеми богами. В трудах Гесиода **θέμις** не персонализована, но тесно связана с божественной волей; **θέμις** – это божественное установление, которое человечество не может нарушать:

ἤθελον οὐδ’ ἔρδειν μακάρων ἱεροῖς ἐπὶ βωμοῖς, ἢ θέμις ἀνθρώποις κατὰ
ἤθεα / Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам, как по
обычаю людям положено (*Opera et dies*: 136–137).

Фемида олицетворяет не только абстрактное понятие, но и реальность божественного порядка, пронизывающего все сферы общественной жизни. Она символизирует строгую приверженность законам и нормам, формируемым общественным мнением. Ее образ воплощает мудрость, лежащую в основе справедливости, неотъемлемой части космического баланса. Таким образом, θέμις – это принцип, который должен строго соблюдаться всеми членами общества для поддержания стабильности и порядка в мире.

Близким по значению к θέμις является понятие δίκη (одного корня с δείκνυμι ‘показывать’ [5, с. 346]), что первоначально могло указывать на правильный путь или справедливость. Δίκη, подобно θέμις, персонализируется в Δίκη ‘Дике’, дочь Фемиды, и приобретает функции, связанные с судебной и правовой системой древнегреческого общества [10, с. 182–189]. По словам Э. Бенвениста, δίκη приобретает значение межсемейного права, в то время как θέμις – это то, на чем устраивается семья [1, с. 301]. В эпосе Гесиода «Теогония» приводится генеалогия Дике и Фемиды, из которой становится известно, что Фемида – дочь Геи и Урана, а Дике – Фемиды и Зевса:

Γαῖα δέ τοι πρῶτον μὲν ἐγένετο ἴσον ἑαυτῇ Οὐρανὸν ἀστερόενθ' <...>
αὐτὰρ ἔπειτα Οὐρανῶ εὐνηθεῖσα τέκ' Ὠκεανὸν βαθυδίνην, <...> Θεῖαν τε
Ῥεῖαν τε Θέμιν τε Μνημοσύνην τε / Гея же прежде всего родила себе
равное ширью звездное Небо, <...>, а потом, разделивши ложе с
Ураном, на свет Океан породила глубокий, <...> Фею и Рею, Фемиду
великую и Мнемосину (Theog. 126–127, 132–133, 135)

δεύτερον ἠγάγετο λιπαρὴν Θεμιν, ἣ τέκεν Ὠρας, Εὐνουμίην τε Δίκην τε
καὶ Εἰρήνην τεθαλυῖαν / Зевс же вторую Фемиду блестящую взял себе
в жены. И родила она Ор – Евномию, Дику, Ирену (Theog. 901–902).

Образ Фемиды ассоциируется с абсолютной объективностью и неизменностью порядка в мире. Эта богиня существовала с начала времен, ее установления неизменны. Во времена Гесиода Фемида – это должный порядок вещей [8, с. 215]. Дочь Фемиды, Дике, представляет закон как гибкое и адаптивное понятие, отражающее моральные ценности общества [11, с. 11]. Δίκη становится посредником между божественным и человеческим мирами, применяя принципы справедливости в социальном контексте.

ἣ δέ τε παρθένος ἐστὶ Δίκη, Διὸς ἐκγεγαυῖα, κυδρὴ τ' αἰδοίη τε θεῶν, οἱ
Ὀλυμπον ἔχουσιν. καὶ ῥ' ὁπότ' ἄν τις μιν βλάβητ' σκολιῶς ὀνοτάζων,
αὐτίκα παρ Διὶ πατρὶ καθεζομένη Κρονίωνι γηρύετ' ἀνθρώπων ἄδικον

νόον, <...> ἰθύνετε δίκας δωροφάγοι, σκολιέων δὲ δικέων ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε / Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом, славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа. Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят, подле родителя Зевса немедля садится богиня и о неправде людской сообщает ему. <...> Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде (Opera et dies 256–259, 264).

Таким образом, Дике означает высшую справедливость, служащую основой для правовых норм, регулирующих общественные отношения, которая непосредственно связана с богиней Фемидой. Концепция справедливости, основанная на терминах θέμις и δίκη, тесно связанная с законом, отражается в каждом аспекте жизни человека, где законы функционируют как инструменты для поддержания гармонии и порядка.

Следующим термином, относящимся к правовой системе общества, является понятие νόμος (от корня νέμω ‘распределять, избирать’ [6, с. 1126–1127]), изначально обозначавшее «установленный порядок», «обычай», т.е. то, что уместно и подходит для жизни [14, с. 1023–1024]. Νόμος в ранний период греческой истории воспринимается как творение и откровение Зевса, что закрепляло его в божественной сфере и ставило в один ряд с θέμις и δίκη. Закон был не только социальным институтом, но и воплощением божественной воли, отражая идеал правопорядка, поддерживаемого богами. Постепенно, вероятно, под влиянием двух других терминов, νόμος приобретает юридическое значение закона, охватывающего любые нормы, правила, обычаи и традиции. С VI в. до н.э. νόμος начинает использоваться для описания как человеческих законов, так и космического порядка, выражающего божественную волю [14, с. 1023–1024]. Греческая трагедия исследует конфликты между законами, как, например, в «Антигоне» Софокла, где сталкиваются государственный закон и древний неписанный закон. Так в трагедии Софокл пишет:

Κρέων: καὶ δῆτ' ἐτόλμας τοῦσδ' ὑπερβαίνειν νόμους;

Ἀντιγόνη: οὐ γάρ τί μοι Ζεὺς ἦν ὁ κηρύξας τάδε,

οὐδ' ἡ ξύνοικος τῶν κάτω θεῶν Δίκη

τοιούσδ' ἐν ἀνθρώποισιν ὄρισεν νόμους.

οὐδὲ σθένειν τοσοῦτον φόμην τὰ σὰ

κηρύγμαθ', ὥστ' ἄγραπτα κάσφαλή θεῶν

νόμιμα δύνασθαι θνητὸν ὄνθ' ὑπερδραμεῖν.

οὐ γάρ τι νῦν γε κάχθές, ἀλλ' ἀεὶ ποτε

ζῆ ταῦτα, κούδεις οἶδεν ἐξ ὄτου 'φάνη. /

Креонт: Как же могла закон ты преступить?

Антигона: Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопрестольница богов.
А твой приказ – уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных [Ant. 449–457].

Софокл рассматривает конфликт между божественным законом, представляющим вечный и универсальный порядок, и человеческим законом, созданным для временного регулирования общества. Божественный закон (θέμις, δίκη) описан как извечный, нерушимый и универсальный. Он регулирует не только поведение людей, но и космический порядок. Человеческий закон (νόμος, созданный людьми) представляется ограниченным, временным и способным вступить в противоречие с высшей справедливостью. Антигона противопоставляет указ Креонта как «созданье человека» и «неписанный, незыблемый закон богов бессмертных», подчеркивая, что человеческий закон не может отменить божественный. Божественные законы, по ее словам, вечны и нерушимы, их происхождение невозможно определить временными рамками. Софокл через эту трагедию иллюстрирует сложность взаимодействия νόμος, θέμις и δίκη как различных аспектов человеческих взаимоотношений. Хотя νόμος, в отличие от θέμις и δίκη, не персонифицируется в божество, но он всегда сохранял религиозную связь: даже письменные законы выражали волю божественного начала [14, с. 1026–1027]. Понятие νόμος отражает сложное взаимодействие божественного и человеческого в греческом понимании закона. Изначально νόμος символизировал божественную волю, утверждая порядок, заданный Зевсом, и был сродни θέμις и δίκη.

Греческие представления о божественном порядке, воплощенном в понятии θέμις, находят параллели в ветхозаветных текстах, где космический порядок и справедливость также определяются волей Бога, который праведен, т.е. обладает δικαιοσύνη ('праведность, справедливость, законность' [5, с. 405]). В Псалтири, например, подчеркивается, что «δικαιοσύνη καὶ κρίμα ἐτοίμασία τοῦ θρόνου σου / правда и суд – основание престола Твоего» (Пс. 88:15), что перекликается с представлением о δικαιοσύνη как о божественном законе, регулирующем мир. Стоит отметить, что в библейских текстах не употребляется θέμις, а δικαιοσύνη и

νόμος может выступать как в категориях божественных, так и человеческих установлений, при этом δικαιοσύνη чаще всего выступает как свойство Божие, а νόμος – установление человеческое. Дике как воплощение справедливости имеет некоторые сходства с ветхозаветным דִּקְיָה, с тем важным различием, что библейское понятие не может персонифицироваться, а является свойством Божиим. דִּקְיָה подчеркивает праведные отношения между Богом и человеком. Одним из важных моментов в отношениях является как раз δικαιοσύνη, т.к. именно тот факт, что Бог праведен, он дает эту праведность людям, а люди, верные божественным установлениям, могут иметь надежду на исполнение обещаний, которые Господь дает через заключение Завета со Своим народом.

Анализ понятий θέμις, δίκη и νόμος демонстрирует их центральную роль в формировании древнегреческого представления о праве, справедливости и общественном порядке. Эти термины иллюстрируют не только сложные отношения между божественными и человеческими законами, но и переход от мифологического восприятия мира к философскому осмыслению права. Θέμις олицетворяет космический и божественный порядок, служащий основой гармонии и неизменности, тогда как δίκη адаптирует эту концепцию к человеческой сфере, выступая посредником между божественным и земным правопорядком. Νόμος, изначально связанный с божественной волей, постепенно трансформируется в выражение человеческой законодательной автономии, оставаясь при этом тесно связанным с религиозными представлениями. Эти понятия, несмотря на свою эволюцию, сохраняют глубокую связь с идеей божественного происхождения закона, что находит аналогии в библейской традиции. Ветхозаветные представления о דִּקְיָה (праведности) и νόμος (законе) подчеркивают божественную природу справедливости и правопорядка, показывая универсальность этих категорий в различных культурах. Таким образом, θέμις, δίκη и νόμος не только раскрывают уникальные черты греческой юридической мысли, но и демонстрируют ее сходство с другими традициями, что позволяет рассматривать их в контексте более широкой концепции правопорядка, объединяющей божественное и человеческое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. Под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.

2. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – Москва, 2013. – 2047 с.
3. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. Под ред. В. В. Вересаева. – Москва : Лабиринт, 2004. – 254 с.
4. Гомер. Илиада / Гомер. Под ред. Н. И. Гнедича. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 436 с.
5. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2-х т. / И. Х. Дворецкий. – Москва : ГИС, 1958. – Т. 1 / И. Х. Дворецкий. – 1043 с.
6. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2-х т. / И. Х. Дворецкий. – Москва : ГИС, 1958. – Т. 2 / И. Х. Дворецкий. – 1905 с.
7. Софокл. Драмы / Софокл. Пер. Ф. Ф. Зелинского; Отв. ред. М. Л. Гаспаров. – Москва : Наука, 1990. – 602 с.
8. Эллинские поэты / Под ред. М. Л. Гаспарова. – Москва : Ладомир, 1999. – 515 с.
9. Beekes, R. Etymological Dictionary of Greek / R. Beekes. – Leiden, Boston : Brill, 2010. – 885 p.
10. Burkert, W. Greek Religion / W. Burkert. – BlackWell Publishing, 1985. – 493 p.
11. Fürst, I. Темис и Дике. Правда у грчком миту и традицији / I. Fürst // Herald of Legal History. – 2021. – № 1. – С. 9–39.
12. Hesiod. Theogony. Works and day. Testimonia / Hesiod. Ed. by G. W. Most. – London : Harvard University Press, 2006. – 308 p.
13. Homerus. The Iliad : in 2 vol. / Homerus. Ed. by D. V. Monro. – Oxford, 1903. – Vol. 2 / Ed. D. V. Monro. – 1903. – 439 p.
14. Kleinknecht. Νόμος / Kleinknecht // Theological Dictionary of the New Testament : in 10 vol. / Ed. by G. Kittel. Trans. and ed. by Geoffrey W. Bromiley, D. Litt. – Michigan : Grand Rapid, 1964–1976. – Vol. 4 : Λ–N / Ed. by G. Kittel. Trans. and ed. by Geoffrey W. Bromiley, D. Litt. – 1967. – P. 1022–1035.
15. Sophocles. The Plays and Fragments : in 7 vol. / Sophocles. Ed. by R. C. Jebb. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – Vol. 3 : The Antigone / Ed. by R. C. Jebb. – 2010. – 286 p.
16. Septuaginta. Ed. by A. Rahlfs, Stuttgart, 2012. – 942 p.

РЭЦЭПЦЫЯ ВОБРАЗА ІФІГЕНІІ Ў ВЕРШЫ «ПЫТАЛЬНІК» ІААНЫ ЦАЦУ

Драгун М. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Анатацыя. Артыкул прысвечаны інтэрпрэтацыі вобраза Іфігеніі грэчаскай паэткай Іаанай Цацу. У працы разглядаецца яе верш «Пытальнік» і трагедыя Эўрыпіда «Іфігенія ў Аўлідзе». У цэнтры даследвання – дыялагічныя элементы твораў, што канструююць і дапаўняюць вобраз гераіні.

Ключавыя словы: Іфігенія, Эўрыпід, Іаана Цацу, старажытнагрэчаская трагедыя, навагрэчаская літаратура, рэцэпцыя.

Выбітная прадстаўніца грэчаскага мадэрнізму Іаана Цацу ў сваім вершы «Пытальнік» звяртаецца да вобраза міфалагічнай гераіні Іфігеніі, дачкі правадыра ахейцаў у Траянскай вайне Агамемнана і яго жонкі Клітэмнэстры. Нягледзячы на шырокую прадстаўленнасць сюжэту з ахвярапрынашэннем Іфігеніі ўжо ў антычнасці, першы грэчаскі паэт, Гамер, ніякім чынам не апісвае эпізод забіцця дачкі палкаводца, нават названае аёдам імя, з якім даследчыкі суадносяць першую згадку пра Іфігенію, гучыць іначай – Эфіанаса [3, с. 215].

Больш плённай для развіцця вобраза аказваецца старааатычная драма. Так, у трагедыі Эсхіла «Агамемнан» асноўнай матывацыяй свайго злачынства Клітэмнэстра называе менавіта забойства Агамемнанам іх дачкі [2, с. 16]. Смерць Іфігеніі ў трылогіі Эсхіла становіцца адпраўным пунктам у чарадзе помсты: маці за дачку, сына за бацьку, бостваў за парушэнне вышэйшага боскага закону.

Аднак найбольш плённы матэрыял для рэцэпцыі сюжэту з закланнем Іфігеніі падае ў сваіх творах наймаладзейшы з трох трагікаў Эўрыпід, а менавіта ў трагедыі «Іфігенія ў Аўлідзе». Акурат гэтая трагедыя паслужыла асновай для пазнейшых інтэрпрэтацый у еўрапейскай літаратуры, такіх як драмы Жана Расіна і Герхарта Гаўптмана. Нягледзячы на адлегласць стагоддзяў і розніцу ў сацыяльных нормах і каштоўнасцях дзвюх эпох, паэтка XX стагоддзя Іаана Цацу таксама знаходзіць пункты судатыкнення і спосабы размовы з Іфігеніяй Эўрыпіда.

Узаемадзеянне тэкстаў пачынаецца на фармальным узроўні. Калі драма даволі лёгка дазваляе сабе маштаб і шырокі выбар персанажаў, то

верш сканцэнтраваны практычна на адной Іфігеніі, на размове лірычнага «я» пісьменніцы з гераіняй. Аднак падобнае адрозненне, якое на першы погляд абумоўлена літаратурным родам, характэрна. Эўрыпід уводзіць Іфігенію толькі ў другім эпісоды, да гэтага асноўны канфлікт разварочваецца паміж Агамемнанам і Менелаем. Лірычная апавядальніца ў вершы з першага радка звяртаецца да дзяўчыны: *«Далёкая Іфігенія, / зімародак на тым беразе мора...»* – кажа яна [6, с. 2] (тут і далей пераклад на беларускую мову наш – М. Д.). Калі ў Эўрыпіда чытацтва перажывае за Іфігенію, то ў Цацу – разам з ёй.

Цікавым чынам узаемадзейнічаюць міжсобку стратэгіі выбару дэкарацый і пабудовы кампазіцыі ў двух аўтараў. Драма Эўрыпіда ні разу не пакідае Іфігенію сам-насам і заўсёды цісне на яе прысутнасцю іншых персанажаў, заўсёды прымушае да дзеяння: маліць аб літасці ўласнага бацьку, слухаць абяцанні Ахіла абараніць яе, адважна ісці на ахвярны алтар дзеля перамогі элінскага войска. Апісанья падзеі ў тэксце трагедыі змяшчаюцца не больш як на трохстах радках. Для сучаснага вока такі пачуццёвы дынамізм успрымаецца як праява наймацнейшай унутранай напругі, але антычная крытыка цалкам адмаўляла падобную рэзкасць. Так, Арыстотэль асуджае афінскага трагіка за непаслядоўнасць у характары Іфігеніі і нематываванаць ейнага ўчынку [1, с. 573].

У гэтым сэнсе верш Цацу як бы замірае абодва ўражанні, з аднаго боку, ні ў якім разе не прымяншаючы ўзровень перажывання, а з другога – становячыся злучальным звяном той тужлівай разважнасці, што часам ахоплівае нас у момант паміж найвялікшымі адчаем і найбольшай рашучасцю. Іфігенія стаіць у момант самоты і зацішку на беразе мора, схіляецца да вады. Тут мы знаходзім тэкставую паралель з трагедыяй. Падобную сцэну апісвае Агамемнан, хаваючы праўду ад дачкі, але нагадваючы гледачам, што чакае гераіню: *«Ты станеш амыць рукі...»* [4, с. 26].

Разважанні дзяўчыны ўласцівыя, хутчэй, не гераіні трагедыі, але Хрысту ў садзе Аліўным: *«... ты дзівішся, / спрабуеш зведаць таямнічую волю багоў, / спрабуеш зразумець і ўласнае сваё памкненне...»* [6, с. 2]. Узяўшы пад увагу такую хрысціянскую паралель, цалкам заканамерную для пісьменніцы з вельмі важнай для яе праваслаўнай ідэнтычнасцю [5, с. 224], становіцца яснай строга з такім нечаканым апісаннем маленькага Езуса: *«Дабраслаўнае сэрца зімы. / Сярод часу Бог у яслях...»* [6, с. 4]. Так, сімвал ахвяры нібыта звязвае адданую Іфігенію і лірычнае «я» аўтаркі, для якога ахвярнасць неаддзяліма ад кантэксту хрысціянскай этыкі.

Менавіта ў пафасе ахвярнасці заключаецца галоўнае адрозненне ў вобразах, створаных паэткай і трагікам. Эўрыпід надзяляе персанажа гераічнымі рысамі. Іфігенія мусіць памерці. Такая воля багоў, яе нельга пазбегнуць, і гераіня выбірае слаўную смерць. Іфігенія, як тыповы антычны герой, узносіць славу над няслаўем: *«Ад гэтага я вызвалю, памёршы, і слава мая за свабодную Эладу шчаснай будзе»* [4, с. 52]. Варта толькі заўважыць, што гераічная парадыгма ў магчымасці выбару больш справядлівая да Ахіла, чым да Іфігеніі, і мы ні на каліва не сумняёмся ва ўніверсальнасці выбару Ахіла ў адрозненні ад дачкі Агамемнана. Нечаканым здаецца палымяны патрыятызм Іфігеніі: *«Я аддаю цела сваё Эладзе»* [4, с. 52]. Хоць трэба прызнаць, што такая нечаканасць і рэзкасць тлумачацца сучаснымі Эўрыпіду палітычнымі падзеям і настроямі [1, с. 573].

Ні гераізму ў яго антычным сэнсе, ні элінскага запалу мы не знаходзім у вобразе, які стварыла паэтка. Пакуль Іфігенія Эўрыпіда заклікае і пабуджае, Іфігенія Цацу маўкліва ўслухваецца ў пытанні пра несправядлівасць і жорсткасць свету: *«Ці думала ты некалі, чаму магутныя, / недаўгавечныя як і мы, забіваюць / і цягнуць за сабой праклёны...»* [6, с. 4]. Парадаксальным чынам у момант найбольшага разрыву паміж двума тэкстамі Цацу ўдаецца ўхапіць штосьці вельмі важнае ў Эўрыпіда, наблізіцца да яго нават у дыхраніі мовы: *«Бо калі людзі надзяюць / іх прыгожае аблічча / іншае хаваецца недзе зусім побач»* [6, с. 4]. Сучаснае грэчаскае *прόσωπο*, якое цяпер азначае *твар, аблічча*, за часамі Эўрыпіда таксама абазначала і *тэатральную маску*. У гэтым сэнсе як Іфігенія літаральна аказваецца аточана тэатральнымі маскамі, так і мужчыны навокал хаваюць іншае аблічча. Бацька аказваецца палачом, Ахіл здаецца богам, але аказваецца бяссільным дапамагчы. Ахейскія мужы, якіх страшыцца Агамемнан і якія зацята прагнуць смерці Іфігеніі, таксама становяцца маскай (ці абліччам?) крыважэрнасці вайны і мужчынскай пыхі.

Такім чынам, Іаана Цацу следуе мадэрнісцкай традыцыі рэцэпцыі антычных сюжэтаў і вобразаў. Пісьменніца вырывае гераіню з таго трагічнага кантэксту, які мы назіраем у Эўрыпіда. У сваім вершы Цацу стварае лірычную прастору для размовы сам-насам з яе гераіняй. Хістка мяжа драматычнага дыялогу і лірычнай маналагічнасці такая ж размытая, як і граніца паміж морам і берагам, на якім стаіць Іфігенія, паміж мінулым у Мікенах і будучыняй у Таўрыдзе.

Паэтка змяняе акцэнт, расстаўленыя Эўрыпідам. Замест патрыятычнай адданасці Эладзе на першы план выходзяць знакі пытання аб бязлітаснасці здрады і падману, роздум пра несправядлівасць гвалту, а сярод гэтых шырокіх разважанняў пісьменніца пакідае месца для суб'ектнасці гераіні, месца для асабістага: *«Далёкая Іфігенія, у выраку сваім / не спяшайся / тое, чаму мы аддаёмся ў душы нашай, / нават і настальгіі мілай... / і туга»* [6, с. 2].

ЛІТАРАТУРА

1. Еврипид. Трагедии : в 2-х т. / Перев. с древнегреч. Иннокентия Анненского / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. – Москва: Ладомир, Наука, 1998. – 2 т.
2. Aeschylus. Aeschylus with English translation by H.B. Smyth : in 2 vol. / Aeschylus. – London: William Heinemann, 1926. – Vol. 2 : Agamemnon, Libation-Bearers, Eumenides, Fragments. – 528 p.
3. Graves, R. The Greek Myths: The Complete and Definitive Edition / R. Graves. – London: Penguin Books, 2017. – 784 p.
4. Euripides. Iphigenia Aulidensis ed. H.C. Günter / Euripides. – Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1988. - 68 p.
5. La ortodoxia como sello de identidad en la obra literaria de Ioanna Tsatsos / M. García-Amorós // Byzantion Nea Hellás. – 2022. – № 41. – С. 219–237.
6. Tsatsou, I. Poems / I. Tsatsou. – Minneapolis: Nostos Book, 1984. – 200 p.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ, ОБУЧАЮЩИМСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ермоленко К. Д., Сенько К. В.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы преподавания медицинской латыни иностранным студентам, которые обучаются на русском языке, методические особенности преподавания, мотивация студентов, этапы изучения медицинской латинской терминологии, трудности усваивания языка.

Ключевые слова: латинский язык; иностранные студенты; методические особенности; обучение на русском языке.

Роль латинского языка в медицине, который традиционно широко используется как язык международной терминологии, что является связующим фактором для медиков всего мира, сложно переоценить. Медицинская терминология зародилась еще около трёх тысяч лет назад в Древней Греции. Уже в трудах Гиппократ (V–IV вв. до н.э.), которого считают «отцом» европейской медицины, встречается термин «анатомия» (ἀνατομή – древнегреч. «рассечение»). Становление медицинской терминологии на латинском языке начинается примерно с I в. н.э. при участии таких выдающихся деятелей того времени, как Авл Корнелий Цельс, Клавдий Гален, Скрибоний Ларг, Плиний Старший и др.

Дисциплина «Латинский язык» является неотъемлемой частью учебной программы в Белорусском государственном медицинском университете, основной задачей которой является подготовка специалистов, владеющих латинской медицинской терминологией.

В БГМУ получают образование как белорусские студенты, так и студенты, приехавшие из других стран. В медицинском университете обучаются представители более 50 государств, среди которых Азербайджан, Ливан, Нигерия, Россия, Индия, Шри-Ланка, Туркменистан, Израиль, Иран, Конго и др. Иностранные студенты обучаются на медицинском факультете иностранных учащихся БГМУ, который является самым многочисленным факультетом в университете по количеству обучающихся на нём студентов. В настоящее время на факультете получают образование более 2000 иностранных граждан по трём

специальностям: «Лечебное дело», «Стоматология» и «Фармация». Срок обучения составляет 6 лет по специальности «Лечебное дело» и 5 лет по специальностям «Стоматология» и «Фармация». Перед зачислением на первый курс все иностранные обучающиеся сдают экзамены на владение русским и английским языками. По итогам экзаменов решается, на каком из языков будет проходить обучение. Если студент недостаточно владеет языком, ему предлагают обучение на факультете профорientации и довузовской подготовки, что позволяет повысить уровень владения языком для дальнейшего обучения.

Что касается изучения дисциплины «Латинский язык», студенты, обучающиеся по специальности «Стоматология», изучают данную дисциплину в течение одного семестра, а студенты специальностей «Лечебное дело» и «Фармация» – двух семестров. Независимо от специальности латинский язык преподается студентам на первом курсе, что и является основной проблемой, так как стоит учитывать тот факт, что большинство студентов не достигли совершеннолетия, в связи с чем не смогли определить ведущие мотивы при выборе профессии. По этой причине преподаватели, которые работают с группами иностранных студентов, сталкиваются с низкой успеваемостью учащихся, так как к каждому занятию требуется тщательная подготовка студентов.

В течение первого семестра многие из преподавателей имеют дело с нежеланием учащихся выполнять требуемый объём домашнего задания, а некоторые из студентов и вовсе им пренебрегают. В первую очередь это происходит по причине того, что иностранные учащиеся проходят сложный период адаптации к новой стране, привыкают к другому часовому поясу и к жизни в общежитиях. Также стоит отметить, что ослабление родительского контроля также негативно влияет на успеваемость студентов. Во время адаптации студенты только учатся грамотно распределять своё время. Поэтому после прохождения этого сложного периода у многих студентов наблюдается более ответственный подход к выполнению домашнего задания и улучшение успеваемости.

При подготовке материала к занятию преподаватель должен учитывать, что и для него, и для студентов русский язык – это язык-посредник, который используется для изучения другого языка – латинского. И на этом этапе возникают некоторые трудности на разных языковых уровнях, такие как: неправильное согласование прилагательного с существительным, ошибочная постановка ударения и др. по причине недостаточного владения обучающимися русским языком.

Также стоит отметить, что в ходе изучения медицинской латыни у студентов возникают сложности с чтением некоторых звуков, которые обозначаются следующими буквами: *s*, *h*, *y*. К тому же очень часто встречается неправильное произношение дифтонгов *ae*, *oe*, диграфов *ph*, *th*, *ch*, *sch* и сочетаний *ngu*, *su*, *ti* + гласный.

На кафедре латинского языка БГМУ разработана учебная литература, по которой обучаются студенты всех факультетов. Для преподавания на медицинском факультете иностранных учащихся используются следующие учебно-методические пособия: А. З. Цисык, Е. Л. Кузнецова «Латинский язык» для студентов-стоматологов, Л. С. Капитула «Латинский язык» для студентов специальности «Лечебное дело», А. З. Цисык «Фармацевтическая латынь» в двух частях для студентов, обучающихся по специальности «Фармация».

Каждое занятие по латинскому языку проходит по учебно-методическому плану, который состоит из проверки домашнего задания, проверочной работы по домашнему материалу, объяснения новой темы, отработки и закрепления грамматического и лексического материала на примере перевода терминов. Важным этапом в изучении медицинской латыни является заучивание лексического минимума после каждой пройденной темы.

Изучение латыни у студентов-медиков начинается с освоения азов грамматики одновременно с запоминанием профессиональных медицинских терминов. Курс «Латинский язык» делится на три раздела: анатомо-гистологическая терминология, фармацевтическая и клиническая терминология. Студенты, обучающиеся по специальности «Фармация», не изучают анатомический раздел. Более того, можно отметить, что для фармацевтов разработана более сложная программа, которая включает в себя перевод длинных предложений, в отличие от студентов других специальностей.

В качестве методической разработки со студентами во время проверки домашнего задания проводятся тренинги на повторение изученных ранее слов в прошлых темах, что позволяет лучше усваивать новый материал и запоминать термины. Также иностранным студентам разрешается использовать таблицы с падежными окончаниями при написании проверочных и контрольных работ, что объясняется сложностью запоминания окончаний, так как не в каждом языке присутствует падежная система. При изучении русского языка, в частности, падежей, многие студенты запоминают названия падежей в

виде порядковых числительных, например, первый – именительный, второй – родительный и т.д. В дальнейшем это приводит к неправильному запоминанию падежей в латыни. Исходя из этого, следующей методической особенностью при объяснении материала является использование порядковых числительных для обозначения падежей, например, первый – именительный – *nominatīvus*, второй – родительный – *genetīvus* и т.д.

Преподавателям необходимо прикладывать много усилий к формированию у студентов положительной учебной мотивации. Также преподавателю следует применять различные игровые методы и методы стимулирования мыслительной активности. Во время проведения занятия преподаватель должен уметь донести трудную для восприятия информацию более доступным и простым языком, при этом применяя профессиональную лексику, которую в последующем студенты-медики будут применять в своей сфере деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацман, Н. Л. Методика преподавания латинского языка. – 2-е изд., перераб. и допол. – М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2015. – 239 с.
2. Кириллова, И. И. Дидактико-методические особенности преподавания латинского языка обучающимся медицинских вузов / И. И. Кириллова // Перспективы модернизации современной науки: Сборник научных работ 55-й Международной конференции Евразийского Научного Объединения. – М.: ЕНО, 2019. – С. 224–227.
3. Нурмухамбетова, Б. Н., Лисариди, Е. К. Принципы преподавания латинского языка в медицинском университете / Б. Н. Нурмухамбетова, Е. К. Лисариди // Вестник КазНМУ. – 2014. – № 1. – С. 376–378.

ΖΗΛΟΣ: РЕВНОСТЬ VS ЗАВИСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТОВ)

Кириченко А. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются варианты передачи греческой лексемы ζήλος на русский и белорусский язык в текстах Нового Завета в Синодальном переводе, переводах В.Н. Кузнецовой, под ред. Кулаковых, Белорусской православной церкви, Белорусской католической церкви и Янки Станкевича. Анализируются, по возможности, причины многообразия эквивалентов для ζήλος в современных переводах по сравнению с греческим оригиналом и Синодальным переводом. Обращается внимание на разнообразие значений лексемы ζήλος.

Ключевые слова: Новый Завет, древнегреческий язык, русский перевод, белорусский перевод, ζήλος, ревность, зависть, руплівасць, зайздрасць.

Одной из важнейших особенностей естественных языков является полисемия – свойство лексем иметь несколько значений. «В наличии семантических связей внутри многозначного слова системность лексики отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики» [10, с. 37]. Независимо от контекстного использования лексема присутствует в нашем сознании во всей совокупности своих значений. «Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым» [3, с. 17] Изучение лексической полисемии позволяет активно использовать семантические возможности слова при переводе с одного языка на другой, выявляя межязыковые семантические соответствия.

Интересным примером многозначности и способов перевода в зависимости от контекста представляется греческая лексема ζήλος в текстах Нового Завета. Ниже мы рассмотрим значения данной лексемы и способы ее перевода на русский язык (Синодальный перевод 1876 г., перевод В. Н. Кузнецовой 2001 г. и перевод 2015 г. под редакцией

протестантских проповедников М. П и М. М. Кулаковых) и белорусский язык (переводы БПЦ и секции по переводу при Конференции католических епископов Беларуси 2017 г., перевод Яна Станкевича 1970 г. [греческий оригинал и все переводы – 1]).

В «Древнегреческо-русском словаре» И. Х. Дворецкого [5] для лексемы ζήλος приводятся следующие значения: ὁ ζήλος (в Новом Завете встречается также τὸ ζήλος, εὐς) – 1) рвение, усердие, соревнование; 2) зависть, соперничество; 3) (любовная) ревность; 4) предмет рвения, цель соревнования, т.е. счастье; 5) выпренный стиль, цветистость. В «Греческо-русском словаре» А. Д. Вейсмана [2] ὁ ζήλος – 1) рвение, соревнование, стремление, подражание; 2) предмет соревнования, счастье, слава; 3) ревность, зависть; 4) Н. З. гнев, негодование. К тому же А. Д. Вейсман отмечает, что данная лексема образована от глагола ζέω ‘кипеть, бурлить, клокотать, *перен.* возбуждать, волновать(ся), разгорячать’. Как можно заметить, значения данной лексемы могут отличаться и положительной, и отрицательной коннотацией в зависимости от контекста. Отсюда мы наблюдаем различные способы перевода слова ζήλος, которое используется в Новом Завете 17 раз в 17 стихах.

1. Русские переводы

1.1. Синодальный перевод

Варианты Синодального перевода: *ревность* (8 раз), *зависть* (8 раз), *ярость* (1 раз).

Современная русская лексема *ревность*, согласно «Современному толковому словарю русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой [8], имеет следующие значения: I. 1. Мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви, преданности. 2. *перен.* Зависть к чужому успеху, нежелание делить что-либо с кем-либо. II. *устар.* 1. Большое старание, усердие, рвение. 2. Страстное стремление служить, приносить пользу; горячая приверженность чему-либо. Как видим, первая группа значений, используемая на современном этапе, характеризует негативное чувство. Однако «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [7] приводит такой перечень значений для *ревность*: 1. Рвение, пылкое усердие; горячее стремление (к чему-л. великому); 2. Стремление брать пример с кого-л., подражать, соревноваться; 3. Зависть; 4. Ревность; 5. Гнев, злоба, ярость, вражда; 6. Ссора, распря; 7. Подозрительность, недоверчивость, сомнение в чьей-л. верности; 8. Бодрость, живость, резвость; 9. Вместо «равность» в значении «равенство, справедливость». Также и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [4] на первом месте дает

значение ‘горячее усердие, старание, стремление, и большей частью к добру’, а на втором – ‘зависть, досада на большой успех другого’ Приведенные значения отражают значительные семантические изменения лексемы *ревность* с течением времени: сужение значения и преимущественное использование данного слова с отрицательной коннотацией.

Синодальный перевод, созданный в XIX в., использует слово *ревность* на месте греч. ζήλος только в значении ‘рвение, пылкое усердие; горячее стремление (к чему-л. великому)’ в отрывках Ин 2:17, Рим 10:2, 2Кор 7:7, 7:11, 2Кор 9:2, 11:2, Флп 3:6, Кол 4:13: Ἐμνήσθησαν δὲ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ὅτι γεγραμμένον ἐστὶν ὁ ζήλος τοῦ οἴκου σου κατέφαγεν με. – При сем ученики Его вспомнили, что написано **ревность** по доме Твоем снедает Меня (Ин 2:17).

А в 2Кор 11:2 наблюдается figura etymologica со словом *ревность*: Ζηλῶ γὰρ ὑμᾶς θεοῦ ζήλω ... – Ибо я **ревную** о вас **ревностью** Божиею... Все проанализированные нами русские и белорусские переводы в данном стихе сохраняют figura etymologica.

В отрывке Кол 4:13 на месте одной греческой лексемы ζήλος употреблено два слова: Μαρτυρῶ γὰρ αὐτῷ ὅτι ἔχει ζήλον πολλὸν ὑπὲρ ὑμῶν καὶ τῶν ἐν Λαοδικείᾳ καὶ τῶν ἐν Ἱεραπόλει. – Свидетельствую о нем, что он имеет великую **ревность** и **заботу** о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе. Возможно, это объясняется обращением к разным изданиям греческого текста: в критическом издании Нестле-Аланда на месте ζήλος стоит слово πόνος ‘труд, работа, усилие, забота’ (кстати, и в латинском переводе мы видим labor ‘труд, усилие’).

Русская лексема *зависть* сохранила свое основное значение «чувство досады, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей и т.п. другого; желание обладать тем, что есть у другого» [Ефремова] (правда, утратив второе значение ‘скупость’, характерное ей в XI–XVII вв.), с которым и используется для перевода ζήλος в отрывках Деян 5:17, 13:45, Рим 13:13, 1Кор 3:3, 2Кор 12:20, Гал 5:20, Иак 3:14, 16: ...ὅπου γὰρ ζήλος καὶ ἐριθεία ἐκεῖ ἀκαταστασία καὶ πᾶν φαῦλον πρᾶγμα. – ...ибо где **зависть** и сварливость, там неустройство и все худое (Иак 3:16).

Не совсем обычный перевод лексемы ζήλος мы наблюдаем в стихе 27 главы 10 Послания к евреям: ...φοβερὰ δὲ τις ἐκδοχὴ κρίσεως καὶ πυρὸς ζήλος ἐσθίειν μέλλοντος τοὺς ὑπεναντίους. – ...но некое страшное ожидание суда и **ярость** огня, готового пожрать противников. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» мы находим устойчивое сочетание *зависть огня* в

значении ‘яростный огонь’ явно новозаветного происхождения. Но интересно, что значение ‘ярость’ в этом словаре имеет лексема *ревность*.

1.2. Перевод В. Н. Кузнецовой

В. Н. Кузнецова в своей работе над текстом Нового Завета следовала принципам перевода, разработанным в 1940-е гг. Юджином Найдой, согласно которым перевод должен точно передавать смысл оригинала, вызывать у читателя или слушателя такую же реакцию, которую вызывали оригинальные тексты в эпоху своего создания, а не следовать буквально иноязычному тексту. Поэтому Валентина Николаевна только один раз использует как аналог ζήλος русскую лексему *ревность* в значении ‘рвение, пылкое усердие, горячее стремление’ в стихе с *figura etymologica* – 2Кор 11:2: Ведь я ревную вас Божьей ревностью. Ее варианты: *любовь* (к Дому Твоему) (Ин 2:17), *воля* (Бога) (Рим 10:2), *рвение* (2Кор 7:7, 2Кор 9:2, Флп 3:6), *горячее желание* (наказать виновного) (2Кор 7:11), *не щадя сил трудиться* (Кол 4:13).

В двух отрывках В. Н. Кузнецова использует слово *ревность* в значении ‘зависть к чужому успеху’ (Гал 5:20 и 2Кор 12:20). В 1Кор 3:3 греческому ζήλος соответствует *соперничество*. В пяти стихах этот переводчик употребляет русскую лексему *зависть* (Деян 5:17, Деян 13:45, Рим 13:13, Иак 3:14, Иак 3:16). Количество вариантов перевода говорит об учетывании В. Н. Кузнецовой семантического окружения.

А в отрывке Евр 10:27 словосочетание πυρός ζήλος переведено как *яростный огонь*: изменена частеречная принадлежность греческой лексемы и ее синтаксическая функция.

1.3. Перевод под редакцией протестантских проповедников М. П. и М. М. Кулаковых 2015 г.; создатели этого перевода, представители разных конфессий, позиционируют его как внеконфессиональный.

Данный перевод также отличается учетом контекста и, как следствие, разнообразием в передаче лексемы ζήλος: в значении ‘рвение, пылкое усердие, горячее стремление’ – *ревность* в отрывках 2Кор 11:2 (Я-то ревную вас ревностью Божьей) и Флп 3:6, *преданность* в Ин 2:17, *усердие* (*усердный*) 2Кор 9:2 и в Рим 10:2, *рвение* в 2Кор 7:11, словосочетания *ревностно защищать* в 2Кор 7:7 и *без устали трудиться* в Кол 4:13.

В семи стихах переводчики использовали слово *зависть* (Иак 3:14, 3:16, 2Кор 12:20, 1Кор 3:3, Рим 13:13, Деян 5:17 и 13:45).

В Гал 5:20 при перечислении «дел плоти» в противопоставлении «плодам Духа» ζήλος передано как *споры*: ...εἰδωλολατρία, φαρμακεία,

ἔχθρα, ἔρις, ζήλος, θυμοί, ἐριθειαι, διχοστασίαι, αἵρέσεις... – ...идолопоклонство, волшебство, вражда, ссоры, **споры**, вспышки ярости, своекорыстие, разлады, соби́рание своих партий...

В Послании к евреям выражение πῦρὸς ζήλος переведено, как и в Синодальном переводе, *ярость огня* (Евр 10:27).

Русские переводчики конца XX – начала XXI в. выбирают больше вариантов для передачи греческой лексемы ζήλος, учитывая контекст и возможности современного русского языка.

2. Белорусские переводы

2.1. Перевод Белорусской Православной Церкви

В переводе БПЦ для ζήλος в значении ‘рвение, пылкое усердие; горячее стремление’ в отрывках, где в Синодальном переводе мы наблюдаем лексему *ревность*, т.е. в значении ‘рвение, пылкое усердие, горячее стремление’, использовано семь разных белорусских аналогов, что говорит о важности контекста и для белорусских переводчиков: *клопат* (пра дом Твой) (Ин 2:17), *руплівасць* (Рим 10:2, Кол 4:13), *адданасць* (2Кор 7:7), *стараннасць* (2Кор 7:11), *запál* (2Кор 9:2), *заўзятасць* (Флп 3:6) и *раўнівасць* (2Кор 11:2). Даже в одном и том же тексте – 2-ом Послании к коринфянам – ζήλος передается и как *адданасць* (апостолу Павлу), *стараннасць* (которую породила печаль ради Бога), *запál* (об усердии верующих, вдохновляющих других людей). Особое внимание в этом же Послании обращает на себя лексема *раўнівасць*, использованная для сохранения *figura etymologica*: Я раўную вас Божай раўнівасцю. Но в современном белорусском языке *раўнівасць* – это ‘уласцівасць раўнівага’, а *раўнівы* – 1. Схільны да рэўнасці; ахоплены рэўнасцю, недавер’ем. 2. Выкліканы рэўнасцю, недавер’ем. Напоўнены зайздрасцю, выкліканы бояззю перавагі каго-н. над сабой [9]. На наш взгляд, использование данной лексемы не совсем оправдано.

В значении ‘зависть’ в восьми отрывках в переводе БПЦ употребляется слово *зайздрасць* (Деян 5:17, 13:45, Рим 13:13, 1Кор 3:3, 2Кор 12:20, Гал 5:20, Иак 3:14, Иак 3:16).

В стихе Евр 10:27 πῦρὸς ζήλος передано как *лютасць агню*, видимо, под влиянием Синодального перевода и с учетом контекста.

2.2. Перевод секции по переводу при Конференции католических епископов в Беларуси (ККББ).

Данный белорусский перевод также отличается вариативностью для передачи ζήλος в значении ‘рвение, пылкое усердие; горячее стремление’: *руплівасць* (Ин 2:17, Рим 10:2, 2Кор 9:2, Флп 3:6), *клопат* (2Кор 7:7,

2Кор 7:11), глагол *κλαπαίιцца* вместо глагольно-именного сочетания *мець клопат* (Кол 4:13). А в отрывке 2Кор 11:2 мы наблюдаем однокоренной синоним лексемы *руплівасць* – *рупнасць*: Руплюся пра вас рупнасцю Божаю.

Как и перевод БПЦ, католические переводчики в значении ‘зависть’ используют лексему *зайздрасць* (Деян 5:17, 13:45, Рим 13:13, 1Кор 3:3, 2Кор 12:20, Гал 5:20, Иак 3:14, Иак 3:16).

Выражение *πυρὸς ζήλος* передано абсолютно так же, как и в переводе БПЦ: *лютасць агню* (Евр 10:27).

2.3. Перевод Яна Станкевича – первый полный белорусский перевод Библии – насыщен архаичными формами, диалектизмами и неологизмами. По словам И. А. Чароты, этот перевод отличается точностью передачи синтаксических конструкций, но и вольностью в передаче лексики и собственным словотворчеством [11, с.504].

Лексеме *ζήλος* в значении ‘рвение, пылкое усердие; горячее стремление’ в данном переводе соответствуют два слова: *рупатлівасць* (в семи стихах: Ин 2:17, Рим 10:2, 2Кор 7:7, 2Кор 7:11, 2Кор 9:2, Флп 3:6, Кол 4:13) и неожиданная *завісьць* в 2Кор 11:2: Бо ўзглядам вас я завісны завісьцяй Божай.

Ζήλος в значении ‘зависть’ переведено как *завідасць* (Деян 5:17, Деян 13:45, Рим 13:13, 1Кор 3:3, 2Кор 12:20, Иак 3:14, Иак 3:16) и *завіднасць* (Гал 5:20).

Выражению *πυρὸς ζήλος* соответствует *гарачыня агню* (Евр 10:27). В данном отрывке можно говорить о немного другом понимании контекста по сравнению с переводами БПЦ и ККББ.

Таким образом, современные русские и белорусские переводы при отсутствии одного эквивалента, охватывающего все значения греческого существительного *ζήλος*, используют большое количество семантических соответствий, безусловно, учитывая контекст. Некоторые причины (например, желание сохранить *figura etymologica*) заставляют переводчиков использовать лексему в ее устаревшем или необычном значении (*ревность, раўнівасць*). В любом случае в современном русском и белорусском языке нет однозначного способа перевода греческого слова *ζήλος*.

Интересно, что в тексте Вульгаты всего два эквивалента для *ζήλος*: *zelus, i m* (то же, что и *zelotypia, ae f*) ‘ревность’ [6] (в шести стихах, в основном, в значении «зависть») и *aemulatio, ōnis f* ‘1) соревнование, 2) соперничество, ревность, зависть’ [6] (в девяти стихах, чаще в значении

ревностного служения: в том числе для передачи выражения $\mu\rho\omicron\varsigma \zeta\eta\lambda\omicron\varsigma$). Лексему *labor* мы наблюдаем один раз в стихе, где есть разночтения в греческом тексте ($\zeta\eta\lambda\omicron\varsigma$ и $\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$).

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия онлайн [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bible.by>. – Дата доступа: 14.01.2025.
2. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь. / А.Д. Вейсман. – Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина. – Репринт 5-го изд. 1899 г. – М.: ГЛК, 1991. – 1370 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Изд. 2-е. – М.: Высш. школа, 1972. – 614 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=36527> – Дата доступа: 14.01.2025.
5. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь (в 2-х т.) / И. Х. Дворецкий. – М. Гос. изд-во иностранных и нац. словарей. – 1958. – 2 т.
6. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык-Медиа, 2005. – 843 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-11-17-vv/> – Дата доступа: 14.01.2025.
8. Современный толковый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova#> – Дата доступа: 14.01.2025.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы; пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча (К. Крапівы) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.skarnik.by/tsbm> – Дата доступа: 14.01.2025.
10. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1983 – 335 с.
11. Чарота, И. А. Переводы Священного Писания на белорусский язык / И. А. Чарота // Јужнословенски филолог. Књига LXVI. – Београд: 2010. – С. 497–512.

ФІЛАСОФСКАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ ПЕРЫЯДУ РАННЯГА ХРЫСЦІЯНСТВА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ ЛАКТАНЦЫЯ)

Котава М. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Анатацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню выкарыстання філасофскай тэрміналогіі ў перыяд ранняга хрысціянства на прыкладзе твораў Лактанцыя, рымскага і хрысціянскага пісьменніка IV стагоддзя. Аналіз яго ключавых твораў, такіх як «Боскія ўсталяванні» і «Пра смерць праследавацеляў», дазваляе прасачыць узаемадзеянне раннехрысціянскай думкі з антычнай філасофіяй. У артыкуле даследуецца выбар філасофскіх тэрмінаў Лактанцыем і іх інтэрпрэтацыя ў кантэксце раннехрысціянскай дактрыны.

Ключавыя словы: Лактанцый, тэрміналогія, corpus, ratio, animus, natura, religio.

Пытанне аб вызначэнні месца грэчаскай і рымскай філасофіі ў гісторыі культуры было адным з найбольш вострых і складаных у палеміцы хрысціянскіх апалагетаў II–IV стст. з язычнікамі. Яны ж і ставілі пытанні аб тым, ці абгрунтаваныя прэтэнзіі паганскай філасофіі на адкрыццё калі не ісціны ў цэлым, то нейкай яе часткі, ці патрэбна наогул філасофія, ці неабходная хрысціянскаму мудрасць інтэлектуалаў мінулага, якія нічога не ведалі пра Хрыста. Адказы на гэтыя пытанні ў выніку фармавалі хрысціянскі погляд на гісторыю культуры і філасофіі ў цэлым, а таксама вызначылі вядомую ступень выкарыстання дасягненняў грэка-рымскай філасофіі ў сярэднявечнай еўрапейскай культуры.

Адным з такіх апалагетаў з’яўляўся і Лактанцый. Ён быў адным з тых раннехрысціянскіх інтэлектуалаў, якія падчас крытыкі апанентаў праяўлялі дастатковую цяроплівасць адносна філасофскіх школ і філасофіі ўвогуле. Ён аддаў шмат часу аналізу антычнай філасофіі і прысвяціў гэтаму асобную кнігу. У выніку ў Лактанцыя атрымалася стварыць даволі суцэльную карціну гістарычнага шляху, пройдзенага антычнай філасофіяй.

У сваім творы «De opificio dei» («Аб боскай волі») амаль з самага пачатку Лактанцый спасылаецца на філосафаў: philosophi nostrae sectae – «філосафы нашага вучэння» [7, 0010A] (тут і далей пераклад на беларускую мову наш – М. К.), чым і падкрэслівае асноўную ідэю твора – абвяржэнне матэрыялістычнага вучэння Эпікура і Лукрэцыя. Ён звяртаецца лацінскім словам philosophi, чаго ніколі не рабіў Лукрэцый, які

не карыстаўся словам з грэчаскім корнем і ўвогуле згадваў свайго настаўніка і другіх філосафаў толькі некалькі разоў.

Лактанцый ужывае два філасофскіх тэрміны: «цела» і «розум»: *sed ea quae dico, ad mentem referenda sunt, non ad **corpus**, cuius omnis **ratio** ideo comparata est, ut animo tanquam domino serviat, et regatur nutu eius.* («але тое, што я кажу, павінна адносіцца да душы, а не да **цела**, увесь **розум** якога так быў падрыхтаваны, каб духу быццам гаспадару служыць, і кіруецца яго воляй») [7, 0012A].

Лацінскае слова «*corpus*» мае ў Лактанцыя адрознае значэнне ад *эпікурэйцаў*. Для Лукрэцыя гэта цела фізічнае, непадзельнае, якое складаецца з атамаў, але для Лактанцыя гэта чалавечае тела, у якім заключана душа і думкі чалавека, разважанні. Лактанцый для вызначэння паняцця розуму карыстаецца іншым словам – «*ratio*», на месцы якога ў Лукрэцыя знаходзіцца «*mens*».

Апалагет доўга разважае аб тым, што ёсць душа і чаму яна – лепшая абарона, прыводзячы аргументы, чаму чалавеку больш пашанцавала атрымаць унутраную абарону, а не знешнюю, як жывёлам, а трохі пазней у творы разважае пра падзельнасць душы, ці дзеліцца яна на часткі і дзе яна знаходзіцца ў целе. Аб усім гэтым ён піша, карыстаючыся паняццем «*animus*».

Лактанцый абазначае прыроду тым жа словам «*natura*», што ёсць у Лукрэцыя ў назве твора. Ён выкарыстоўвае з усіх варыянтаў *менавіта* гэты, можа, таму што тэрмін замацаваўся і стаў распаўсюджаным, ці Лактанцый планаваў спаслацца на філосафа ў дакор яму і, каб зрабіць гэта празрыстым, ужыць лексему з назвы твора Лукрэцыя: *Cum enim Deus animal, quod fecerat, sua sponte ad mortem transire cognovisset, ut mortem ipsam, quae est dissolutio **naturae**, capere posset, dedit ei fragilitatem, quae morti aditum ad dissolvendum animal inveniret.* – «Паколькі Бог ведаў, што створаная ім жывёла ідзе да смерці сама па сабе, каб мець магчымасць прыняць саму смерць, якая ёсць распад **прыроды**, ён даў ёй слабасць, якая магла б адкрыць шлях да смерці для распаду жывёлы» [7, 0020C].

Цікавасць Лактанцыя да паняцця «*religio*» была абумоўленая галоўным чынам тым, што ён, актыўна палемізуючы з паганскімі вераваннямі, паспрабаваў прадставіць у сваіх працах больш ці менш поўны крытычны агляд «ілжывай» «рэлігіі багоў» («*religio deorum*»), а таксама паганскай філасофіі, якую ён (часам вельмі пранікліва) звязваў з паганскай рэлігіяй.

Даследаванні, якія Лактанцый праводзіў у гэтым кірунку, дапускалі пераасэнсаванне антычнага разумення тэрміна «religio» і інтэрпрэтацыю яго ў новым, хрысціянскім сэнсе, а таксама пастаноўку пытанняў аб прыродзе і паходжанні рэлігіі.

Перш за ўсё, варта адзначыць, што ў сваіх «Боскіх усталяваннях» Лактанцый адмовіўся ад вядомай этымалогіі Цыцэрона, узвёўшы «religio» да «religare» («звязаць»): «Мы злучаныя і звязаныя (religati sumus) гэтымі вузамі пабожнасці (pietas) з Богам, з-за чаго і сама Рэлігія атрымала сваё імя, а не ад слова «перачытваць» (relegere), як тлумачыў Цыцэрон» [6, с. 137].

Некалькімі радкамі ніжэй Лактанцый развіў гэтую думку, прапанаваўшы нешта накшталт этымалагічна арыентаванага вызначэння рэлігіі: «мы кажам, што імя рэлігіі паходзіць ад тых вузаў пабожнасці (pietas), якімі Бог прывязаў (religaverit) да сябе чалавека, і мы павінны служыць Яму як спадару і пачытаць як Айца» [1, с. 376]. Такім чынам, рэлігія – гэта тое, што звязвае чалавека і Бога «вузамі пабожнасці».

Можна адзначыць дзве істотныя рэчы. Па-першае, выбудаваная Лактанцыем апазіцыя «religio Dei – religio deorum» спрыяла фарміраванню ўяўлення аб асаблівай «рэлігіі язычнікаў». Некалькі пазней гэтая асаблівая рэлігія была канцэптуалізаваная ў паняцці «paganismus», якое ў самога Лактанцыя не сустракаецца.

Па-другое, характэрнай рысай «Боскіх усталяванняў» Лактанцыя з’яўляецца тое, што аўтар даволі рэдка выкарыстоўвае ключавы для хрысціянскай тэалогіі тэрмін «вера» і не звязвае яго з рэлігіяй. Цяжка казаць, чым абумоўлена апошняя рэч, але, магчыма, у дадзеным выпадку на Лактанцыя паўплывала антычная філасофская традыцыя, прадстаўнікі якой, кажучы аб рэлігіі або пра багоў, амаль ніколі не выкарыстоўвалі паняцце «вера» і аддавалі перавагу тэрмінам, звязаным з веданнем. Падобным чынам у Лактанцыя «набожнасць» (pietas), роўна як і «мудрасць» (sapientia), – гэта хутчэй веданне Бога, чым вера ў яго – таму як з першай, так і з другой звычайна карэлююць тэрміны, якія адносяцца да галіны ведаў і разумення, такія як «notitia», «notio», «cognitio», «intellectus», «intelligentia» і г.д.

Зрабіўшы агляд, можна зрабіць выснову: у трактоўцы тэрміна «religio» Лактанцый значна адхіліўся ад папярэдняй антычнай традыцыі. Ён прапанаваў новую этымалогію гэтага слова, узвёўшы яго да «religare» і, адпаведна, да сувязі паміж чалавекам і Богам. Акрамя таго, можна

заўважыць, што ён паспрабаваў развіць і паглыбіць антычныя ўяўленні аб рэлігійнай прыродзе чалавека.

Такім чынам, Лактанцый, ствараючы раннехрысціянскую філасофскую тэрміналогію, карыстаецца наступнымі тэрмінамі: *corpus* (цела), *ratio* (розум), *animus* (душа), *natura* (прырода), *religio* (рэлігія). Гэтыя словы ў многім звязаныя з паганскай філасофіяй ранейшых часоў і ствараюць свайго рода мост паміж тэрміналогіяй дахрысціянскіх філосафаў і філосафаў позняй Антычнасці, Сярэднявечча і Рэнэсанса.

ЛІТАРАТУРА

1. Лактанций. Божественные установления. Книги I-VII / Пер. с лат., вступ. ст. В. М. Тюленева. (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 512 с.
2. Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В.М. Тюленева. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2007. – 256 с.
3. Скворцов, К. И. Философия Отцов и учителей Церкви в первые три века [Электронный ресурс] – Режим доступа: – https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skvorcov/filosofija-ottsov-i-uchitelej-tserkvi/13. – Дата доступа: 13.01.2025.
4. Словарь философских терминов / Под. ред. И. Т. Фроловой, В. Я. Горбачева. – М.: Международные отношения, 2011. – 496 с.
5. Соколов В. С. Историческая концепция Лактанция / Вопросы античной литературы и классической филологии // Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1963. – С. 330–345.
6. Цицерон. Философские трактаты / Пер. с лат. и коммент. М. И. Рижского. М.: Наука, 1985. – 382 с.
7. Lactantius. De opificio Dei / CSEL // Eds. S. Brandt, G. Laubmann. T. 27. Vien, 1893. – 320 с.
8. Lactantius. Divinae Institutiones / CSEL // Ed. S. Brandt. T. 19. Vien, 1890. – 761 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРЕНАЖЕРОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЗАНЯТИЯМ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ

Круглик Н. А.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматривается использование лингвистического тренажера на занятиях латинскому языку как одного из вспомогательных средств подготовки студента-медика. Описывается опыт использования тренажеров в БГМУ.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, латинский язык, лингвистический тренажер, информационно-образовательная среда.

Современная педагогика в настоящее время стремится создать новый вид дидактики, которая позволила бы объединить две формы обучения – классическое и дистанционное. Такая интеграция возможна только при использовании электронных информационно-коммуникативных платформ образовательных программ. Компьютерные технологии, используемые современным обществом, позволяют преобразовывать традиционные формы обучения в более прогрессивные, увеличивая тем самым их эффективность.

Постоянное изменение и обновление информационно-образовательной среды приводит к интенсивному использованию в учебном процессе электронных форм обучения, расширению сетевого пространства, появлению новых электронных методик и дисциплин с новыми дидакто-методическими моделями, а также возникновению новых направлений в развитии теории и практики лингвистики.

Электронная лингвистика возникла благодаря объективной потребности научной теории, которая объединяла бы в себе различные элементы в одну большую методологическую систему. Целью данной лингвистики является разработка теоретических и практических принципов преподавания языковых дисциплин в современных условиях информационного общества. Электронная лингвистика призвана превратить хаотичную компьютеризацию теории и практики преподавания языков в систематизированную структуру, управляемую лингвистами.

Среди прочих электронных средств обучения наибольшую популярность приобретают языковые тренажеры, т.е. электронная лингвометодическая структура, которая направлена на формирование

фонетических, лексических, грамматических навыков и придерживающаяся основных теоретических позиций традиционной фундаментальной методики обучения иностранным языкам. Языковые тренажеры должны оперативно донести необходимую информацию до обучаемого и проверить ее запоминание в режиме интерактивного взаимодействия студента с учебным материалом.

Лингвистический тренажер дает возможность не только тренировать употребление терминов более эффективно, но также развивать языковые и культурологические навыки. Т.е. отличие лингвометодического тренажера от любых тестовых заданий состоит в том, что его основная функция заключается в приобретении знаний и навыков, в то время как тестовые задания призваны только проверять степень усвоения изученного материала.

В тоже время создание лингвистических тренажеров должно полностью соответствовать современным теоретическим положениям, разработанные традиционной методикой преподавания.

Применение языковых тренажеров в обучении латинскому языку ориентировано на формирование лексических и грамматических навыков, которые студенты в дальнейшем будут использовать при переводе терминов.

Особенностью обучения латинскому языку в медицинском вузе является изучение языка «с нуля», а, следовательно, и выбора оптимальной последовательности изложения лексико-грамматического материала. Актуальным становится вопрос о необходимости создания определенных условий для развития когнитивного интереса и креативного потенциала студентов.

Медицинская латынь предусматривает запоминание большого количества лексических единиц и терминосочетаний. Поэтому для облегчения запоминания, а также для стимуляции интереса к изучению латинского языка, мы сочетаем традиционные методики преподавания данной дисциплины с новыми информационными направлениями в обучении.

Нами были разработаны лингвистические тренажеры на платформах Coreapp.ai и Learningapps.org по темам «Имя прилагательное», «Степени сравнения прилагательных».

Coreapp.ai (<https://coreapp.ai/>) – платформа, созданная для онлайн-обучения. На ее основе можно не только разрабатывать курсы и

интерактивные тренажеры, но также проводить различные вебинары, занятия, олимпиады и прочее.

Задания тренажера, предложенные нами, направлены на отработку и закрепление изученного лексического и грамматического материала. Преподаватель может сам добавлять лексические единицы, отслеживать статистику использования ресурса.

Инструментом для запоминания в данной программе выступает набор карточек, на которых записывается основная информация для запоминания: термин, его определение, перевод. Студенты могут по своему усмотрению их классифицировать, сортировать, организовывать.

Использование такой нетрадиционной формы обучения позволяет выявить ряд достоинств. Во-первых, студенту будет легче определить, запомнил он тот или иной термин. Используя тренажер, он в любой момент может рассортировать карточки, выбрать ответ, записать термин. Все это способствует быстрому и качественному запоминанию информации. Во-вторых, открытая статистика позволяет преподавателю увидеть те ошибки в запоминании материала, на которых необходимо будет сконцентрировать внимание при дальнейшем обучении. Латинские наборы карточек разбиты на две группы. В первой группе представлены карточки с термином, записанным только в именительном падеже. Во второй же группе представлены термины, записанные в полной словарной форме. Этот подход помогает лучше освоить грамматическую структуру латинского языка и использовать ее при переводе терминов с русского на латинский язык и наоборот.

Таким образом, лингвометодический тренажер призван способствовать созданию живой атмосферы на занятиях по латинскому языку, активировать широкий диапазон психофизических способностей для получения и усвоения информации, развивать память и внимание, возможность освоения грамматики через повторение словарных форм.

Лингвистический тренажер, который мы используем в процессе обучения, в большей степени направлен на самостоятельную подготовку студентов к практическим занятиям и контрольным работам. На начальной странице расположен список тем, в которые включен лексический и грамматический материал. При отработке навыков запоминания лексического материала выбираются карточки, на которых написаны термины или словарная форма терминов на латинском языке, и карточки на русском языке, где дается определение термина или его перевод. Между группами этих карточек обучаемым необходимо установить соответствие.

При работе с грамматическим материалом обучающиеся должны составить словосочетания, учитывая грамматическую форму слов.

Однако необходимо помнить, что использование лингвистических тренажеров является дополнительным инструментом при подготовке специалиста и не заменяет традиционных форм обучения. Он дополняет аудиторную работу, обеспечивает индивидуальный подход к самостоятельной работе студентов, способствует повышению мотивации обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагова, А. М. Основы обучения латинскому языку в гуманитарном университете [Электронный ресурс] / А.М. Брагова // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1. / Режим доступа: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/bragova_1.pdf – Дата доступа: 12.08.2020.

2. Кацман, Н. Л. Методика преподавания латинского языка / Н.Л. Кацман. – М.: Владос, 2015. – 239 с.

3. Leitner S. So lernt man lernen. Der Weg zum Erfolg. Freiburg: Herder, 2003. – 317 p.

4. *Teaching Classics with Technology* / ed. by B. Natoli, S. Hunt. N. Y.: Bloomsbury Publishing, 2019. – 264 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛАТИНСКОГО ГЛАГОЛА *PELLO* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Леончик Е. С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательное и семантическое разнообразие глагола *pello, pep̄uli, pulsum, pellēre* со значением ‘ударять’ в латинском языке, устанавливается соотношение между его дериватами и элементами словообразовательного гнезда с исходным словом *пульс* в русском языке на материале гнездовых словарей Г. В. Петровой и А. Н. Тихонова. Поднимается вопрос о возникновении дублетов этого глагола в латинском языке. Определяется стилистическая окраска лексемы *пульс* и элементов образованного ею словообразовательного гнезда. Прогнозируется возможность появления однокоренных неологизмов.

Ключевые слова: *pello*, латинизм, современный русский язык, словообразование, пульс, неологизм, заимствование, семантика, супин.

Латинский язык продолжает оказывать существенное влияние на пополнение лексического состава современного русского языка. Действующий статус латыни как метаязыка науки способствует возникновению неологизмов с латинскими корнями и аффиксами в современных языках. По причине высокой степени информативности и частотности латинский глагол играет особую роль в процессах заимствования в другие языки. В свою очередь, в словарной форме латинского глагола велико значение формы супина, которая идет третьей по порядку перечисления после формы настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога 1-го лица единственного числа и формы прошедшего времени совершенного вида изъявительного наклонения 1-го лица единственного числа. Аналогов в современном русском языке супин уже не имеет. В древнерусском языке он употреблялся до XIV в. с целевым значением, как и в латинском, что является результатом общего индоевропейского наследия рассматриваемых языков. В дальнейшем форма супина становится атавизмом, ибо аналогичную функцию стал выполнять инфинитив [2, с. 302]. И тем не менее носители современного русского языка формально «пользуются» супином. Это происходит по той причине, что именно эту

основу можно считать одной из наиболее продуктивных глагольных основ с точки зрения заимствования в другие языки: ср. лат. *colo, colui, cultum, colere* и англ. *cult*, рус. *культ*; лат. *audio, audīvi, auditum, audire* и англ. *audit*, рус. *аудит*; лат. *teneo, tenui, tentum, tenere* и англ. *tent*, рус. *тенн*; лат. *ago, egi, actum, agere* и англ. *act*, рус. *акт*; лат. *concipio, concēpi, conceptum, concipere* и англ. *concept*, рус. *концепт* и т. д.). В этом контексте можно считать некой «грамматической иронией» само название *супин*. Этимологически его название восходит к латинскому *supīnus* ‘лежащий лицом вверх’ [3], что означает, что супин не меняет своей грамматической формы в зависимости от действующего лица [10]. Есть еще одно мнение: «*Supīna vere nominantur, quia a passīvis participiis, quae quidam supīna nominavērunt, nascuntur*» [12, с. 412] – «Правильно называются супинами, поскольку от страдательных причастий, которые некоторые называли супинами, они появились» (здесь и далее перевод наш – Е. Л.). То есть эти формы имели как бы «лежащий», i.e. грамматически пассивный залог. В дальнейшем в латинском языке от основы супина образовались отглагольные существительные, относящиеся к 4-му склонению. На базе супина, например, было образовано латинское существительное *pulsus, us m* ‘толчок, удар’ и русское *пульс*.

Словарная форма латинского глагола, к которому восходит слово *пульс*, такова: *pello, pepuli, pulsum, pellere* ‘бить, толкать, приводить в движение, поражать, возбуждать, изгонять, прогонять, утолять, разбивать, обращать в бегство’ [3]. Первая глагольная форма в бесприставочном варианте не имеет производных в русском языке. Тем не менее в русском языке существуют слова, образованные от основы настоящего времени латинского глагола *pello* с приставками, которые появились еще в языке-доноре, например, *апелляция, интерпелляция* (юр.), *пропеллер, репеллент*.

Форма супина в данном случае легко узнаваема носителями русского языка. Согласно словарю М. Фасмера, слово *пульс* заимствовано «через нем. Puls (с 1516 г.) или франц. pouls из ср.-лат. pulsus (venarum) «биение вен» [8].

Рассмотрим словообразовательное гнездо глагола *pello* в латинском языке (Таблица 1) и словообразовательное гнездо с исходным словом *пульс* в русском языке (Таблица 2) с целью установления семантических сдвигов в слове *пульс* и в образованных от него дериватах. Заимствования морфем не было установлено, что позволяет сделать вывод о том, что словообразовательное гнездо с исходным словом *пульс* формировалось в русском языке независимо от латинского.

Таблица 1. Слова, входящие в словообразовательное гнездо глагола *pellō*, *perŭli*, *pulsum*, *pellēre*

Латинская лексема	Значение
pulsus, us <i>m</i> [pello]	толчок, удар; побуждение; впечатление
pulsatio, ōnis <i>f</i> [pulso]	стук, удары; избиение; насилие; юр. судебный иск, жалоба
pultatio, ōnis <i>f</i> [pulto]	стук, стучание
pulsus, a, um	избитый
pulto, āvi, –, āre [intens. к pulso]	стучать, ударять, бить
pulso, āvi, ātum, āre [intens. к pello]	сильно стучать, ударять; ломать, бить; разбивать, толочь; погонять; отгонять; толкать, увлекать, побуждать; жаловаться (на кого-л.), обвинять; докучать, донимать
pulsuōsus, a, um [pulsus]	пульсирующий (суффикс -os- латинском языке имеет значение пресыщения, i.e. буквально это 'сильно пульсирующий')
pulsabŭlum, i n [pulso]	плектр – по сути медиатор

Таблица 2. Слова, входящие в словообразовательное гнездо существительного *пульс*

Латинская лексема	Значение
пульс-	ритмическое движение стенок артерий, вызываемое деятельностью сердца, а также количество таких ритмических движений в единицу времени [4]
пульс-аци-я	1. местные толчкообразные колебания стенок кровеносных сосудов, сердца и прилегающих к ним тканей, вызываемые сокращением сердца. 2. физ. непрерывное изменение какой-н. характеристики [4] → пульсационный (биол.)
пульс-ирова-ть	1. о сердце, артериях: иметь пульс, биться. 2. физ. протекать с периодическими изменениями в силе, напряжении и т.п. [4] → пульсирование
пульс-ов-ый	относящийся к пульсу
на-пульс-ник	повязка, располагающаяся на руке у запястья, как правило, в том месте, где прощупывается пульс. Предназначена для вытирания пота с лица [6, с. 62-63]
пульс-атор	тех. прибор или приспособление, производящие равномерные толчки или импульсы». [4] → пульсаторный

Латинская лексема	Значение
пульс-ар	астроном. космический источник радио-, оптического, рентгеновского, гамма-излучения, приходящего на Землю в виде периодически повторяющихся импульсов. Ср. квазар [4] → пульсарный (ветер / планета, которая вращается вокруг пульсара)
пульс-о-метр (иногда пульс-и-метр)	тех. насос, в котором вытеснение жидкости производится под воздействием пара или газа» [4] → пульсометрия
пульс-оксиметр (пульс + часть слова <i>oxygenium</i> 'кислород' + <i>metreo</i> 'измерять')-	медицинский контрольно-диагностический прибор для неинвазивного измерения уровня насыщения кислородом капиллярной крови [13] (в английском языке – два слова <i>pulse oximeter</i>) → пульсоксиметрия – неинвазивный метод определения степени насыщения крови кислородом
пульс-о-тахометр- (пульс + греч. <i>tachos</i> 'скорость' + <i>metreo</i> 'измерять')-	прибор для непрерывного измерения частоты пульс [1] → пульсотажометрия

Исходя из материалов таблицы можно констатировать, что в латинском языке наряду с глаголом *pello* какое-то время функционировали дублетные формы. Их возникновение было обусловлено разными фонетическими преобразованиями, которые происходили по пути из протоиталийского *pelno [11, с. 84] в оформившийся латинский вариант. *Pulto*, *pultāre* использовался менее активно.

Исторические и литературные памятники позволяют утверждать, что современное медицинское значение слова *pulsus* не является более поздним семантическим приобретением. В качестве доказательства высказанной мысли приведем высказывание Тацита, жившего в I в. н. э. и использовавшего данную лексему в контексте медицины уже в то время: «*Is velut propria ad negotia digrediens et per speciem officii manum complexus pulsum venarum attigit*» [9, с. 216] – «Он, удаляясь как будто по собственным делам, и под видом долга обхватив руку, нащупал **пульс вен**».

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В семантическом комплексе латинского глагола *pello* произошел метафорический переход до значения медицинского («толкающегося» сердца). Именно оно получило широкое распространение в русском языке,

в том числе благодаря недавним заимствованиям названий медицинских приборов уже через английский язык. В русском языке полностью утрачено значение, связанное с физическим воздействием, направленным на другое лицо или объект. То же случилось со значением, связанным с чувственным восприятием. Юридическое значение латинского глагола не оказалось востребованным в русском языке.

2. Утрачено слово, обозначающее палочку, которой ударяли по струнам кифары. Это существованием в латинском языке дублета, пришедшего из древнегреческого языка – *plectrum*. Последнее слово и было заимствовано в русский язык.

3. Семантический комплекс различных лексем, образованных от слова *puls*, в русском языке сосредоточен главным образом вокруг медицинского и в меньшей степени технического, астрономического и физического терминологического аппарата.

4. В русский язык перешла только чистая основа супина *puls-*, которая и стала исходным словом в словообразовательном гнезде. Морфемы (в данном случае в большинстве своем это суффиксы), с помощью которых образовались новые слова в языке-источнике, заимствованы не были. Это не имеет отношения к терминологическим элементам греческого происхождения *tachos* ‘скорость’ и *metreo* ‘измерять’. В некоторых случаях приставки все же были заимствованы из уже существовавших в таком виде в латинском языке глаголов: *компульсия*, *импульс*, *пропульсия* (мед.), *репульсор*.

5. Словообразовательный потенциал рассматриваемого корня явно не исчерпан, а это значит, что в перспективе можно прогнозировать появление в русском языке других однокоренных слову *пульс* неологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов : более 100 тысяч терминов / под ред. Э. Г. Улумбекова ; [сост.: Белова Л. А. и др.]. // Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2242 с.

2. Борковский, В. И., Кузнецов, П. С. / Историческая грамматика русского языка // Москва : КомКнига, – 2006. – 512 с.

3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь : 200 тыс. слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. // Москва : Русский язык – Медиа, 2005.

4. Крысин, Л. П. / Толковый словарь иноязычных слов 3-е изд., доп. // Москва: Рус. яз., 2005. – 1210 с.

5. Петрова, Г. В. Латинско-русский словообразовательный словарь: ок. 20 000 слов. // Москва: ООО «Издательство Оникс», 2008. – 704 с.
6. Пугачёв, И. А. / Товарный словарь // Москва: Государственное издательство торговой литературы, 1959. – Т. VI. –1108 с.
7. Тихонов, А. Н. / Словообразовательный словарь русского языка. Том 2. В 2 т.: более 145 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. // Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 860 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. // Москва: Астрель – АСТ, 2004. – Т. 4. – 860 с.
9. Cornelius Tacitus. Annales ab excessu divi Augusti Annalium. Liber VI- Charles Dennis Fisher, Oxford: Clarendon Press, 1906. – 823 с.
10. Latinitium [Electronic resource] : UN Bibliogr. Inform. System. – Mode of access: <https://latinitium.com/the-supine-in-latin-grammar>. – Date of access: 20.01.2025.
11. Leppänen, V. / Ablaut and the Latin verb: aspects of morphophonological change. Dissertation, LMU München: Faculty for Languages and Literatures // Ville Leppänen.-München, 2019. – 226 с.
12. Prisciani Institutionum Grammaticarum Libri I-XII ex recensione Martini Hertzii Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri : MDCCCLV. – 597 с.
13. The Donald and Barbara Zucker School of Medicine Academic Works [Electronic resource] : UN Bibliogr. Inform. System. – Mode of access: <https://academicworks.medicine.hofstra.edu/publications/2690> . – Date of access: 21.01.2025.

**ДИСТАНЦИОННЫЙ КУРС
«CORPUS LINGVAE LATINAE MEDICINALIS»:
ЛАТИНСКАЯ АНАТОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ**

**Литинская Е. П., Жукова М. А., Абрамова А. В.,
Петрова М. Р.**

Петрозаводский государственный университет

Аннотация. В статье представлены результаты учебной практики студентов направления «Классическая филология» по созданию терминологического и визуального контента курса медицинской латыни, на основе которого был создан дистанционный ресурс на образовательной платформе Moodle.

Ключевые слова: латинский язык; терминология; анатомия; Moodle.

Современная высшая школа активно внедряет цифровые образовательные ресурсы. Петрозаводский государственный университет не является исключением. Уже второй год в Институте филологии реализуется проект «Corpus Linguae Latinae medicinalis» (Корпус медицинской латыни), инициированный преподавателями кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики.

В медицинском институте студенты традиционно на первом курсе знакомятся с латинским и древнегреческим языками, составляющими основу их профессионального языка. Сейчас объем аудиторной работы сокращен до 46 часов (ср. с прежними 68 часами). Курс латыни читается параллельно с дисциплиной «Анатомия», в рамках которой студенты сталкиваются с необходимостью заучивания в краткие сроки больших блоков терминологии. Так в условиях сокращения учебной программы и необходимости ее восполнения возникла идея создания электронного ресурса по латинскому языку в помощь студентам-медикам.

Во время летней учебной практики в 2023 и 2024 гг. студенты первого и второго курсов профиля «Классическая филология» под руководством старшего преподавателя кафедры И. О. Маниной, создавали терминологический и визуальный контент курса медицинской латыни.

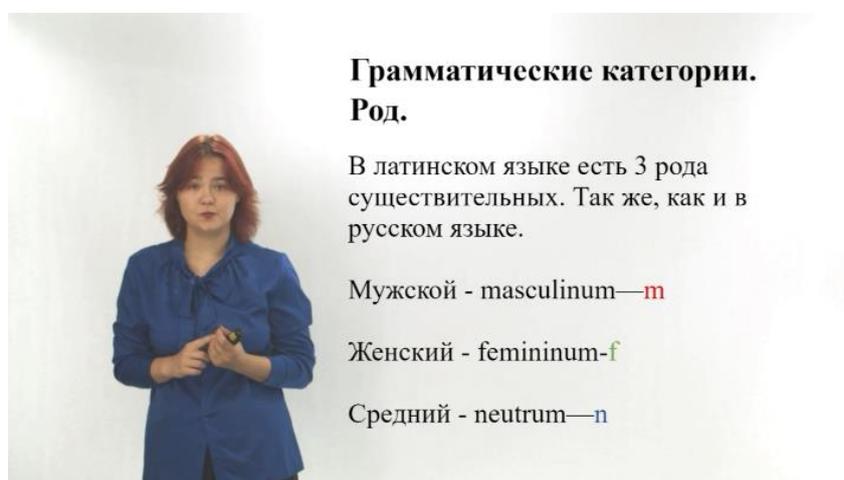
Результатом практики стал лекционный раздел «Латинская анатомическая терминология» образовательного курса «Corpus Linguae Latinae medicinalis. Латинский язык (для медиков)» на платформе Moodle.

На первом этапе студенты изучили и прокомментировали грамматические и лексические особенности латинской анатомо-гистологической терминологии, проиллюстрировали использование научной лексики на латинском языке примерами из 3D анатомического атласа. Теоретический материал по лингвистическим темам был создан с опорой на учебники латинского языка М. М. Кисловой [1] и Д. К. Кондратьева [2]. На этом этапе создания дистанционного ресурса было важно разобрать как можно больше различных вариантов анатомических терминов, чтобы облегчить студентам-медикам их понимание и заучивание.

Курс успешно прошел апробацию. Студенты-медики имели возможность повторить грамматические темы при выполнении домашнего задания, при подготовке к контрольной работе. Были отмечены доступность изложения грамматики, удобство и полнота курса. Среди пожеланий прозвучало создание видео-контента, который бы позволил не только повторить материал в удобное время и на нужной скорости, но и услышать, как звучат термины. Положительный отклик студентов-медиков вдохновил студентов-филологов на развитие проекта.

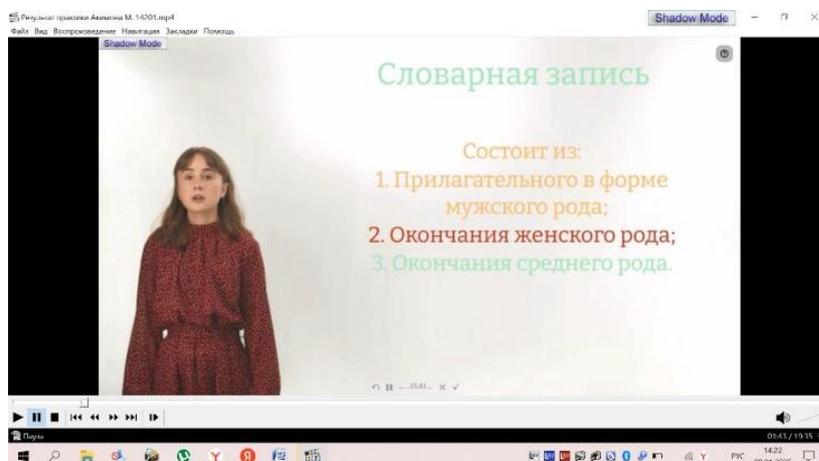
Так, во время летней практики 2024 года были записаны видеоуроки, подготовленные с помощью сервиса Jalinga, позволяющего создавать мультимедийные презентации. Студенты второго курса в видеоформате оформили теоретический материал лекций. При создании видеоурока студенты руководствовались принципом простоты и легкости в усвоении информации, старались как можно понятнее осветить грамматическую тему и нагляднее продемонстрировать примеры употребления терминологии. Так, например, тема «Имя существительное» открывается характеристикой основных его грамматических категорий (см. Рисунок 1).

Рисунок 1

Рассмотрение темы «Имя прилагательное» начинается с объяснения словарной записи части речи (см. Рисунок 2).

Рисунок 2

Студенты первого курса создали видеоролики, в которых раскрывается образность латинской и греческой анатомической терминологии. Они обратились к истокам возникновения научных слов, объяснили их этимологию, упростив таким образом запоминание словарного минимума. В каждой грамматической теме были проанализированы 10 слов-терминов с точки зрения происхождения. Далее к каждой этимологической цепочке были подобраны иллюстрации. Так, при работе с термином *ligamentum, i n* (связка) студентка обратилась к значению глагольной формы *ligare* (связывать). Словообразовательный анализ был дополнен этимологическим и приведен пример родственного слова «религия» (см. Рисунок 3).

Рисунок 3

Поиск необходимой информации, сопоставление латинизмов и русских дериватов оказались увлекательным и полезным занятием не только с медицинской точки зрения, но и филологической, поскольку новые знания, полученные в процессе работы, дали возможность филологам-классикам лучше понимать родной язык.

Таким образом, студенты-филологи погрузились в лингвистический материал, раскрыли образность латинской и греческой медицинской терминологии. А студенты-медики теперь имеют возможность обратиться к дистанционному курсу в качестве поддержки при изучении анатомической терминологии. Важно то, что филологи-классики видят конкретный востребованный продукт своей деятельности. Опыт реализации проекта «Corpus Linguae Latinae medicinalis» в 2023–2024 гг. убеждает в целесообразности его продолжения. Мы планируем проиллюстрировать разделы клинической и фармацевтической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислова, М. М. Латинский язык : учеб. пособие / М. М. Кислова, Г. С. Эгипти. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 183 с.
2. Кондратьев, Д. К. Латинский язык : учебно-методические пособие для студентов педиатрического факультета. Анатомическая терминология. В 3 ч. Ч. 1. / Д. К. Кондратьев, Е. Н. Хомич. – Гродно: ГрГМУ, 2014. – 156 с.

ІНАВАЦЫЙНЫЯ ПАДЫХОДЫ Ў ВЫКЛАДАННІ ЛАЦІНСКАЙ І СТАРАЖЫТНАГРЭЧАСКАЙ МОЎ СТУДЭНТАМ СПЕЦЫЯЛЬНАСЦІ «КЛАСІЧНАЯ ФІЛАЛОГІЯ»

Мінкевіч Д. Г.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Анотацыя. Разглядаюцца дасягненні кафедры класічнай філалогіі БДУ ў гістарычным кантэксце, перспектывы развіцця інавацыйных падыходаў выкладання класічных моў ва ўмовах сучаснага тэхналагічнага ўкладу.

Ключавыя словы. Індукцыйны і дэдукцыйны падыходы; класічныя мовы; класічная філалогія; камунікатыўныя метадыкі; гісторыя адукацыі.

Кафедра класічнай філалогіі БДУ стваралася ў незалежнай Беларусі на аснове метадык выкладання, уласцівых для савецкай класічнай філалогіі, асноўнымі цэнтрамі якой былі Масква, Ленінград і Львоў, і абапіралася на савецкія падручнікі лацінскай і старажытнагрэчаскай моў. Карыстанне гэтымі метадыкамі на дзесяцігоддзі стала ядром выкладання дысцыплін класічнага цыкла, пры гэтым выкладчыкі кафедры стварылі шэраг падручнікаў і дапаможнікаў, пераважна не прызначаных спецыяльна для навучання студэнтаў-класікаў. Выкладанне лацінскай мовы на шэрагу факультэтаў БДУ вымагала ад выкладчыкаў абавязковага ўліку спецыфікі гэтых напрамкаў: выкладаць лаціну на біялагічным факультэце – гэта нешта адрознае ад працы на юрыдычным або, нават, філалагічным факультэтах (не на спецыяльнасці «Класічная філалогія»), таму менавіта ў гэтых накірунках кафедра можа прадставіць шэраг як адмыслова распрацаваных метадык, так і спецыяльных падручнікаў, дапаможнікаў і вучэбна-метадычных комплексаў самага высокага ўзроўню [2], [3].

Выкладанне класічных моў студэнтам-класікам усе гады існавання кафедры было найбольш кансерватыўным, пабудаваным на метадыках, якія ўзыходзяць яшчэ да часоў класічных універсітэтаў Германіі і царскай Расіі, аднак без абавязковай адукацыйнай базы, якую вучні маглі атрымаць у класічных гімназіях. У савецкі час лацінская і старажытнагрэчаская мовы вывучаліся пераважна таксама не спачатку ў школах і гімназіях, а адразу пад час атрымання вышэйшай адукацыі, то бок студэнты-класікі вывучалі іх «з нуля», маючы ў якасці тэхнічнага забеспячэння толькі ўласныя канспекты, надыктаваныя выкладчыкамі, дошкі і крэйды, папяровыя

падручнікі і слоўнікі, што стварала адпаведныя методыкі для навучання, выкладання і самаадукацыі студэнтаў. І адпаведна гэтай тэхнічнай базе таксама ажыццяўляўся кантроль за навучаннем: пераклады незнаёмага і знаёмага тэкстаў, праверкі вывучанай лексікі, кантрольныя работы, залікі і іспыты. Але тое, што было добра 25 гадоў таму, губляе сэнс цяпер, у час інтэрнэта, гаджэтаў і штучнага інтэлекту: радыкальная змена тэхнічнай базы вымагае новых падыходаў.

У Старажытнай Грэцыі архаічнай і класічнай эпох грэкі вывучалі свой адпаведны мясцовы дыялект (родную мову) і, дадаткова, адрозныя дыялекты літаратурных помнікаў, напрыклад, Гамера; пазней старажытнагрэчаскую мову (пераважна кайнэ) таксама вывучалі суседнія грэкам народы і тыя, што ўвайшлі ў дзяржаву Аляксандра Македонскага і яго «дыядохаў», вывучалі яе або па неабходнасці ў дарослым узросце, або, па магчымасці, з дзяцінства. Пасля таго як «паланёная Грэцыя сама паланіла Рым», тая ж моўная сітуацыя пашырылася на носьбітаў лацінскай мовы. Падобны механізм існаваў і з распаўсюджаннем лацінскай мовы ў часы Рымскай рэспублікі і імперыі. У Сярэднявеччы носьбіты самых розных родных моў вывучалі на захадзе лацінскую мову, а ў арэале Візантыі – старажытнагрэчаскую, бо толькі так яны маглі пазнаёміцца з навукай і філасофіяй, а таксама з хрысціянскімі тэкстамі і тэалогіяй. З часоў Рэнэсансу адбываецца адыход ад тагачаснай лацінскай (ці раманскай) мовы, што існавала не толькі ў розных пісьмовых, але і ў вусных варыянтах, да класічных узораў часоў Цыцэрона, што вымагала змен у навучанні. Ідэалагічныя змены – секулярызацыя жыцця – і тэхналагічныя інавацыі – кнігадрук – робяць падыходы да навучання больш гнуткімі і размаітымі, закладаецца база сучаснай дыдактыкі (Ян Амос Каменскі etc.). У сваёй рэакцыі на Рэфармацыю каталіцкая царква таксама імкнецца да аднаўлення, ствараючы найбольш прагрэсіўны на свой час ордэн – таварыства іезуітаў, якія як запазычваюць методыкі, так і ўласнымі высілкамі ўздываюць адукацыю хіба не на найвышэйшы ўзровень (XVI–XVII стст.), дзякуючы і сістэме калегіумаў, і методыкам навучання: лацінскую мову ў школах вывучалі да «размоўнага» ўзроўню, каб пасля і свабодна карыстацца ёй як мовай касцельнай і міжнароднай, і каб мець ключ да амаль ўсёй тагачаснай навукі і адукацыі незалежна ад краіны і ўніверсітэта. Свецкае грамадства не саступала царкве, натхняючыся антычнымі ідэямі гуманізму і асветніцтва, што вылілася ў росквіт класіцызму. Але новы віток як тэхналагічнага прагрэсу і навукі, так і развіцця грамадства (рамантызм, станаўленне палітычных нацый etc.)

аслабляе цікавасць да класічных моў на карысць нацыянальных, паступова звужаючы ў XX ст. кола класічна адукаваных людзей і, адпаведна, зніжаючы цікавасць да развіцця метадык выкладання класічных моў, якія «застываюць», у залежнасці ад рэгіёна, на канцы XIX – пачатку XX стст.

І адукацыйныя метадыкі, і тэхнічныя сродкі навучання вымагаюць сваёй адпаведнасці галоўнаму: мэтам навучання. Лацінская (і старажытнагрэчаская) мова не з’яўляецца ні роднай для жыхароў Беларусі, ні адзінай мовай адукацыі і навукі, ні міжнароднай мовай-пасярэднікам, ні сродкам дыпламатычных зносін, ні, нарэшце, адзінай мовай царквы, на якой вернікі моляцца і з якой удзельнічаюць у набажэнствах. Калі яна вывучаецца студэнтамі не спецыяльнасці «Класічная філалогія», гэта мае значэнне для падрыхтоўкі спецыялістаў у адпаведных галінах навукі: медыцыне, біялогіі, гісторыі, філалогіі, юрыспрудэнцыі etc. Але навошта класічныя мовы вывучаюць студэнты-класікі, на якім узроўні яны маюць імі валодаць цяпер і праз 10–15 гадоў, і, адпаведна, як іх навучаць?

Адукацыя ў сучасным свеце безальтэрнатыўнага капіталізму з неабходнасцю рашчапляецца на элітарную і эгалітарную. І ў межах першай класічная адукацыя і мовы былі і будуць складаць неад’емнае ядро для «Оксбрыджаў», Сарбоны, «Лігі плюшчу» etc., як было заўсёды, бо класічная адукацыя – гэта адзнака прыналежнасці да сапраўднай, а не «часовай», нацыянальнай або сусветнай эліты. Назапашаныя за тысячагоддзі класічнай адукацыяй веды і патэрны паводзін маюць аб’ектыўную каштоўнасць для эліты і яе інтэлектуальнай абслугі. У сціпрых межах эгалітарнай адукацыі месца для антычнасці звужаецца да амаль нябачнага, а цікавасць да яе па-за школай можа быць матываваная хіба толькі праявамі ў масавай культуры: антычныя вобразы і сюжэты, няхай часам дужа перакрыўленыя павесткай, пашыраны ў кіно, літаратуры, камп’ютэрных гульнях etc.

Беларусь, захоўваючы рэшткі дэмакратычнага савецкага падыходу да атрымання вышэйшай адукацыі незалежна ад паходжання і «саслоўя», дае магчымасць вывучаць класічныя мовы дзецям і чыноўнікаў, і бізнесменаў, і патомнай інтэлігенцыі, і рабочых, і сялян, калі толькі дзеці маюць да гэтага цікавасць. І таму першая прычына для вывучэння класічных моў на філалагічным факультэце БДУ на спецыяльнасці «Класічная філалогія» – гэта глыбокая, нават бязмежная цікавасць да антычнасці, да заходняга або візантыйскага сярэднявечча, да беларускай гісторыі часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай, да лацінскай і старажытнагрэчаскай моў, хаця з імі нялёгка пазнаёміцца да ўніверсітэта. Але гэтая падстава цалкам суб’ектыўная, яна

палягае выключна на цікаўнасці індывідуума і амаль не мае межаў, яна пры належнай адукацыі можа падрыхтаваць сапраўднага эксперта філолага-класіка, але што, акрамя прэстыжу, дае класічная філалогія народу і краіне? І таму другая, аб'ектыўная прычына вывучаць класічныя мовы – гэта стаць іх выкладчыкамі для падрыхтоўкі спецыялістаў самых розных накірункаў, усведамляючы, што ў кожным з іх спатрэбяцца хіба працэнты ад атрыманых ведаў класічных моў. У Нацыянальнай бібліятэцы, архівах і музеях Беларусі захоўваюцца тысячы лацінамоўных і грэкамоўных дакументаў, якія здольныя асвятліць тых ці іншыя бакі нашай гісторыі, на тэрыторыі Беларусі сустракаюцца надпісы на лацінскай і старажытнагрэчаскай мовах, пераважна культавага зместу, таму трэці шлях ад класічнай адукацыі да яе практычнага ўжытку будзе ў бок працы перакладчыка. Да гэтага трэба дадаць сапраўдную мізэрнасць колькасці перакладаў з лацінскай і старажытнагрэчаскай моў на беларускую твораў з залатога сусветнага скарбу антычнай літаратуры. Але гэты накірунак з неабходнасцю вымагае максімальна дасканалы валодання класічнымі мовамі ў тым ліку і ў іх зусім некласічных варыянтах, напрыклад, для перакладу тэкстаў эпохі ВКЛ, а таксама адметнымі навыкамі перакладу на выдатную беларускую мову.

Усвядомеўшы мэты, можна разгледзець сучасныя выклікі з боку прагрэсу. Яны цалкам згубныя для старых кансерватыўных метадык выкладання: студэнт са смартфонам за колькі клікаў можа адшукаць любую інфармацыю, любы пераклад класічнага тэксту, зрабіць граматычны аналіз, з дапамогай машынных перакладчыкаў, асабліва на базе AI, перакласці тэкст з лацінскай / старажытнагрэчаскай мовы ці наадварот. Схільнасць да залішняга кансерватызму ў выкладанні прыводзіць да «барацьбы» з мабільнікамі і кампутарамі, але чым далей, тым больш відавочна марнымі будуць гэтыя «неалудысцкія» праявы. Што сучасная чалавечая адукацыя можа паспець прапанаваць, каб захаваць у недалёкай будучыні сваю канкурэнтназдольнасць перад штучным інтэлектам, мініятурызацыяй гаджэтаў, выбуховым ростам інфармацыі і доступу да яе?

Па-першае, гэта чалавечнасць. Трэба адыходзіць ад фармалізацыі адукацыі, ад механічнасці ў ёй, ад бяздушнасці тэстаў да жывой, сапраўднай чалавечай камунікацыі, што само па сабе надзвычай каштоўна ў часы пашырэння сеткавай інтэрнэт-камунікацыі, росту адхіленняў ў развіцці дзіцячай псіхікі, татальнай дыджыталізацыі. Індывідуальнасць

падыходу да кожнай асобы, зацікаўленай у вывучэнні класічных моў, – аснова і хрыбет адукацыі ў нашых сучасных умовах.

Па-другое, гэта абавязковая абазнанасць выкладчыкаў ува ўсіх сучасных тэхналагічных навацыях: не збягаць і хавацца ад іх, а наадварот, карыстацца імі і вучыць гэтаму студэнтаў. Электронныя слоўнікі і бібліятэкі, сістэмы аўтаматычнага перакладу – ўсё гэтае выкладчык мае ведаць не горш, а лепш за студэнтаў, калі хоча захаваць свой аўтарытэт і ісці нароўні з прагрэсам, а галоўнае, зрабіць тэхналагічны рывок у такой кансерватыўнай галіне ведаў, як класічная філалогія, каб змясціць акцэнт з механічных і руцінных дзеянняў спецыяліста на атрыманне і ўдасканалванне ўнікальных жывых навыкаў.

Па-трэцяе, змена падыходаў і методык у вывучэнні класічных моў пад уплывам разгледжанага вышэй абумоўлівае больш пашыранае ўжыванне індуктыўнага падыходу, што адзначаецца камунікатыўнымі методыкамі вывучэння мовы, нават «мёртвай», і гэта пры тым, што на дадзены момант пануе дэдуктыўны падыход. Тэхнічныя сродкі для такога пераходу існуюць, гэта шэраг падручнікаў лацінскай і старажытнагрэчаскай моў, якія абапіраюцца на індуктыўны падыход у навучанні: [1], [4], [5], [6], [7] etc.

У межах камунікацыйных методык важным дасягненнем з’яўляецца вывучэнне не граматычных правіл і спісаў лексікі, а мовы як такой з безупынным пашырэннем актыўнага слоўнікавага запасу разам са спектрам навыкаў карыстання мовай ува ўсіх яе аспектах: важным становіцца не толькі ўспрыняцце пісьмовых і вусных тэкстаў, але і абязваковая іх генерацыя, для чаго неабходна як штучна стварыць і падтрымліваць кола «носьбітаў» лацінскай і старажытнагрэчаскай моў пры кафедры класічнай філалогіі ў межах, як найменей, гуртка, так і ўжываць магчымасці тэматычных сеткавых груп. Паглыбленае безупыннае вывучэнне класічных моў разам студэнтамі і выкладчыкамі кафедры класічнай філалогіі, выкарыстанне прынцыпа *docendo discimus* – гэта адзіны сродак годна выстаць пасярод выклікаў сучаснасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Учебник древнегреческого языка : [для преподавателей высшей и средней школы, аспирантов и студентов] / М. Н. Славятинская. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2023. – 731 с. ; 24x17 см. – Библиогр.: с. 729.

2. Учебники по латинскому языку. Издания кафедры классической филологии БГУ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://graecolatini.by/textbooks-latin.htm/> – Дата доступа: 22.01.2025.

3. Учебники по древнегреческому языку [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://graecolatini.by/textbooks-oldgreek.htm/> – Дата доступа: 22.01.2025.

4. Christophe Rico Polis : laein tēn koinēn dialekton tēn zōsan = Polis : speaking ancient Greek as a living language. Level one. Student's volume / Christophe Rico ; with the collaboration of Michael A. Daise ; illustrated by Pau Morales. 2015. – 326 p.

5. Λόγος. Ἑλληνικὴ γλῶσσα αὐτοεικονογραφημένη. = Logos. Lingua Graeca per se illustrata. CULTURA CLASICA, 2023. – 383 p.

6. Maurice Balme, Gilbert Lawall, and The late James Morwood. Athenaze. An Introduction to Ancient Greek. / Maurice Balme, Gilbert Lawall, and The late James Morwood. Oxford, 2016. – 464 p.

7. Orberg H. H. Lingua Latina per se illustrata. / Orberg H. H. Kolding, 1991. – 329 p.

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ С АНТОНИМИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ НА ПРИМЕРЕ ЛАТИНСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Мокрицкая Т. П.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматриваются модели образования антонимов в латинской клинической терминологии и способы из перевода на русский язык.

Ключевые слова: латинская медицинская терминология, клиническая терминология, терминологический элемент, антонимы.

Латинская медицинская терминология, как и любая другая профессиональная терминосистема, представляет особый интерес для филологов, поскольку формирует фактически мини-язык со своими законами образования и использования лексических единиц. Медицина как наука чрезвычайно обширна, следовательно система терминов, используемая для обслуживания этой сферы знания, довольно внушительна. Медицинская терминология обычно рассматривается в связке «латинский язык – национальный язык» и этому есть свои причины.

Традиционно медицинскую терминологию разделяют на три большие группы: анатомическая, фармацевтическая и клиническая терминологии. Анатомическая терминология используется для номинации структур человеческого тела, включает в себя дополнительно гистологическую терминологию и элементы микробиологической. Фармацевтическая терминология включает названия лекарственных средств, лекарственных растений, рецептурную пропись лекарственных средств и также химическую терминологию. Клиническая терминология является наиболее многочисленной подсистемой медицинской терминологии, поскольку содержит наименования заболеваний, методов обследования и лечения, названия медицинских приборов и аппаратов, а также названия врачебных специальностей и специалистов. Клинические термины в основном созданы на основе греко-латинских корней, которые обладают устойчивым значением и в учебной литературе называются терминологическими элементами. Терминологические элементы составляют термины с заданным значением, что колоссально экономит время медицинских специалистов разного звена при профессиональном общении. Этот подраздел

медицинской терминологии вызывает интерес по разным причинам, в первую очередь потому, что терминов очень много, что позволяет отследить способы их образования и использования, а также в мире постоянно появляются новые медицинские исследования, которые приводят к необходимости дать названия новым симптомам, болезням, методам лечения.

Современные исследования клинической терминологии посвящены разным явлениям, таким как синонимия, омонимия и полисемия терминологических единиц. В данной работе мы предлагаем рассмотреть явление антонимии в клинической терминологии с целью установить наиболее частотные способы образования терминов с антонимичным значением.

В словарях лингвистических терминов понятие «антонимы» определяется как слова одной части речи, имеющие соотносительные друг с другом противоположные значения. Антонимы классифицируются по разным признакам, заложенным внутри антонимической парадигмы. В современной лингвистике различают несколько типов антонимов: контрарные (противоположные), которые выражают качественную противоположность (молодой – старый), конрадикторные (противоречащие), которые встречаются в бинарных системах, где отрицание одного дает значение другого (живой – мертвый), конверсивные, которые выражают противоположную направленность процессов или признаков (вход – выход), и некоторые другие. По своей структуре антонимы бывают однокорневые и разнокорневые. Мы предлагаем рассмотреть подробно латинские и соответствующие им русские термины-антонимы, имеющие отношение к клинической терминологии.

Клиническая терминология предлагает для исследования широкий круг терминов, среди которых основная масса – это сложные однословные термины, созданные на основе греко-латинских терминологических элементов, например: *septorhinoplastica* – ‘септоринопластика, комбинированная операция одномоментной коррекции дефектов носовой перегородки и наружной пирамиды носа’, *myelopathia* – ‘миелопатия, общее название патологических поражений спинного мозга’. Одной из особенностей клинической терминологии является наличие в русском языке соответствующего латинскому слову транслитерата, что видно на приведенных примерах. Значения терминологических элементов уже установлены и не подвергаются изменениям. Среди них можно найти те, которые обладают

противоположным значением и привносят его в термины в момент их формирования. Это, как правило, терминологические элементы, указывающие на противоположные значения величины, количества или уровня.

Рассмотрим наиболее популярную модель образования однокорневых антонимов, которая заключается в использовании терминологических элементов с противоположным значением. В роли производящей основы для таких терминологических элементов могут выступать как самостоятельные части речи (прилагательные и существительные), так и приставки. Например, пара терминологических элементов, имеющих значение «короткий – длинный»: лат. *brachy-* – *dolich-*. В роли производящей основы прослеживаются древнегреческие прилагательные βραχύς ‘короткий’ [3, с. 307] и долίχός ‘длинный’ [3, с. 420]. Примерами терминов с такими терминологическими элементами являются *brachycephalia* – ‘брахицефалия, короткоголовость’ и *dolichocephalia* – ‘долихоцефалия, длинноголовость’ [2, с. 257, 582]. Следующая пара терминологических элементов обладает значением «уменьшение – увеличение (по количеству)»: *olig-* (от греч. ὀλίγος – ‘немногий, малый, незначительный’) – *poly-* (от греч. πολύς – ‘многий, многочисленный’) [4, с. 1350]. Примеры терминов: *oligocytaemia* – ‘олигоцитемия, уменьшенное количество форменных элементов в периферической крови’ и *polycytaemia* – ‘полицитемия, увеличение выше нормы количества форменных элементов крови’ [2, с. 1160, 1370]. В роли терминологических элементов с противоположным значением могут выступать также и приставки, например *hypo-* (от греч. ὑπο- ‘под, внизу, снизу’) и *hyper-* (от греч. ὑπερ- ‘над, выше, сверх’) [4, с. 1684, 1670]. Эти приставки придают терминам значение «ослабление или усиление какой-либо физиологической функции или процесса» соответственно [6, с. 302]. Приведем примеры: *hypotensio* – ‘гипотензия, пониженное гидростатическое давление в сосудах, полых органах или полостях организма’ [2, с. 453] и *hypertensio* – ‘гипертензия, повышенное гидростатическое давление в сосудах, полых органах или полостях организма’ [2, с. 441]. Все перечисленные выше пары антонимов, как и большинство созданных по такому же образцу, можно отнести к числу контрадикторных или комплементарных (противоречащих). Они обозначают крайние позиции признака, по которому слова вступили в антонимические отношения, но между ними обязательно присутствует понятие нормы, но термина, обозначающего это норму, чаще всего нет: *гипотензия – норма – гипертензия*. Однако среди терминов можно найти антонимические пары, где промежуточное понятие нормы существует в

виде термина: *гипогликемия* (снижение концентрации глюкозы в плазме крови) – *гликемия* (содержание глюкозы в крови) – *гипергликемия* (повышение содержания глюкозы в крови). Еще одной особенностью клинической терминологии в рассматриваемом нами аспекте является то, что не все термины, имеющие в своем составе указанные выше или какие-либо другие терминологические элементы, имеющие антонимы, могут иметь термин с противоположным значением, например: *oligophrenia* – ‘олигофрения, группа стойких непрогрессирующих патологических состояний, проявляющихся врожденным или приобретенным интеллектуальным дефицитом’ [2, с. 1159], *macropsia* – ‘макропсия, расстройство зрения, при котором предметы кажутся большими чем действительности’ [2, с. 932].

Однокорневые антонимы могут быть образованы по другой модели, при реализации которой, к слову, несущему качественную характеристику, добавляется элемент, устанавливающий отношения антонимии. Обычно в роли такого элемента выступают префиксы *a-/an-*, *in-/im-* или *anti-*. Приставкам *a-/an-* и *in-/im-* в медицинской терминологии присвоено значение «прекращение или полное отсутствие какой-либо функции или физиологического процесса» [6, с. 293], что естественным образом связано со значением соответствующей древнегреческой приставки *ἀ-/ἀν-* [3, с. 109] и латинской приставки *in-/im-*, обозначающих ‘не-’ [5, с. 384]. Приставка *anti-* (греч. *ἀντι-* ‘против’) [3, с. 162] в составе медицинских терминов имеет значение ‘против, противоположное положение, состояние, действие, свойство’ [2, с. 96]. Примеры антонимов, созданных по данной модели: *aerobicus* – *anaerobicus* (аэробный – анаэробный), *completus* – *incompletus* (полный – неполный), *mobilitas* – *immobilitas* (подвижность – неподвижность), *asthmaticus* – *antiasthmaticus* (астматический – противоастматический), *parasitarius* – *antiparasitarius* (паразитарный – антипаразитарный). Как видно из примеров, русские соответствия образованы по такой же модели.

Среди антонимичных пар в клинической терминологии встречаются также и разнокорневые антонимы, число которых по сравнению с однокорневыми невелико. Среди примеров мы можем увидеть такие пары прилагательных как «истинный – ложный» (*verus* – *falsus*), «врожденный – приобретенный» (*congenitus* – *acquisitus*), «юношеский – старческий» (*juvenilis* – *senilis*), «острый – хронический» (*acutus* – *chronicus*). Наиболее интересна последняя группа, в которой прилагательные обозначают характер течения заболевания. Латинское прилагательное *acutus* имеет значение ‘острый, заостренный, остро протекающий’ [5, с. 23], а в словаре

Г. Д. Арнаутова дефиниция приобретает более отчетливое медицинское значение ‘острый, скоротечный, внезапно начинающийся и быстро протекающий, недавно появившийся’ [1, с. 7]. В общеупотребительном языке у этого прилагательного есть прямой антоним «тупой», а в медицинской терминологии признак, способный к противопоставлению, изменен на временную характеристику. Противоположным по значению является прилагательное *chronicus* (от греч. χρόνος – ‘время’) – ‘хронический, длительный, затяжной, медленно развивающийся, медленно протекающий’ [1, с. 77], в словаре И. Х. Дворецкого помимо ‘хронический, затяжной’ зафиксировано значение ‘относящийся к той или иной эпохе, исторический, летописный’ [5, с. 138].

Среди терминов-антонимов можно выделить также прилагательные, характеризующие вид диабета: *diabetes mellitus* и *diabetes insipidus* – «сахарный – несахарный». Латинские эквиваленты никак не связаны с существительным ‘сахар’ (лат. *saccharum*), это прилагательные *mellitus* (от лат. *mel* ‘мед’) – ‘медовый’ и *insipidus* – ‘безвкусный, пресный’.

Исходя из изложенного выше, мы можем сделать вывод, что медицинская терминология использует те же методы выражения лексического разнообразия, что и общеупотребительная лексика. Антонимия в клинической терминологии отражает естественное желание человека видеть мир в бинарной системе. Противопоставление отклонений от нормы по каким-либо качественным признакам оказалось весьма продуктивным в процессе создания терминов. При этом понимание внутренней структуры терминологической системы позволяет упорядочить и усовершенствовать процесс ее преподавания как дисциплины в учебных заведениях разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов, Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках: Latinum-русский-english-français-deutsch = Terminologia Medica Polyglotta = Medical Terminology in Five Languages = Terminologie Medicale en cinq Langues = Medizinische Terminologie in Fünf Sprachen / д-р Г. Д. Арнаудов ; [пер. с болг. В. В. Завьялова]. – 4-е рус. изд., испр. – София: Медицина и физкультура, 1979. – XXIV. – 943 с.
2. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Э.Г. Улумбекова. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.
3. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: Том 1, Часть 1 / И. Х. Дворецкий. – Москва : Книга по требованию, 2023. – 444 с.

4. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: Том 2 / И. Х. Дворецкий. – Москва : Книга по требованию, 2023. – 874 с.
5. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – Москва : Русский язык, 2000. – 846 с.
6. Цисык, А. З. Латинский язык (Lingua Latina): учебник / А. З. Цисык. – Минск : Новое знание, 2024. – 424 с.

О НЕОЧЕВИДНОМ ЗНАЧЕНИИ ОДНОГО ИЗВЕСТНОГО ЛАТИНСКОГО КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Мушнина Л. Н.

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Аннотация. Латинское выражение *divide et impera* не имеет авторской атрибуции и ни разу не встречается в корпусе античных текстов классического периода. В статье делается попытка предположить, что это выражение имело не только политическое и военное значение, но также могло служить опорой для формирования основ процесса аналитического познания мира у древних римлян. Возможно, античные авгуры применяли смысл этого слогана для интерпретации процедуры древней дивинации.

Ключевые слова: *divide et impera*, разделяй и властвуй, анонимность, завоевательная политика, авгуры, дивинация, анализ, теория и способы познания.

Латинское выражение *divide et impera* отличается тем, ни разу не встречается в корпусе латинских текстов классического периода. Мы не знаем точного имени его создателя, а также нам не известны контексты его употребления в древности (если только предположить, что в античности оно существовало).

Традиция относит возникновение этого выражения Новому времени. Самое раннее его официальное употребление в виде *divide ut regnes / Diviser pour regner* (разделяй, чтобы властвовать) приписывается французскому королю Людовику XI (1423–1483) [3, с. 4]. Иногда первенство в употреблении этого выражения атрибутируют итальянскому политику и дипломату Николо Макиавелли (1469–1527), который приводит его по-итальянски в своем сочинении «Размышления о первой декаде Тита Ливия»: «*che tu hai in governo divide*» – (то, чем ты управляешь, разделяй) [7, р. 234]. В 1605 г. Джорж Холл, английский епископ, а в молодости писатель, сатирик и моралист впервые привел это выражение по-английски в одной из своих сатир: *divide and rule* [6, р. 153]. Именно на латинском языке *divide et impera* впервые упоминается у итальянского средневекового автора Траяно Боккалини (1612 г.) в его сатире «*Ragguagli di Parnaso*» (Известия с Парнаса) [4, р. 443].

Обычно *divide et impera* рассматривается исключительно как девиз или принцип государственной власти, который как правило используется в качестве метода управления одних государств другими. Этим методом пользуются как сильные, так и слабые государства для более успешного порабощения или подчинения не подвластных им территорий и народов. Этот принцип на деле, но без его формулировки осуществлял своими обширными завоеваниями Филипп Македонский (383–336 гг. до н.э.), которому немецкий поэт Гейне в одном из своих писем бездоказательно приписывает изобретение этой формулы (письмо из Парижа от 12 января 1842 г., без указания источника). Этот же постулат характеризовал завоевательную политику Г. Ю. Цезаря, которому также приписывают изобретение формулы *divide et impera*, однако и Г. Ю. Цезарь не изобрел этот принцип, а лишь успешно его реализовал. Как известно, при завоевании Галлии Цезарь сталкивал интересы отдельных германских племен, при этом одних наделял привилегиями, а другими пренебрегал. Так, Ариовисту, главе свевско-гарудского союза, по приказу Цезаря сенат в 59 г. до н.э. дал титул «правителя и друга римского народа». Но уже год спустя, в 58 г. до н.э., Цезарь разбил войско Ариовиста, так как тот, как предводитель германцев, стал притеснять налогами галльское племя секванов (*Comm de bell. Gall. I 35–37; 40–44*).

Древний Рим использовал политику *divide et impera* и в более позднее время для управления многими обширными регионами Римской империи, разделяя, ссоря и сталкивая их друг с другом. Например, Иосиф Флавий сообщает о римском правителе Габинии, разделившем еврейское население на 5 конвенций и сталкивавшим их между собой (*Bell. Jud. I, 169–170*). Этот принцип был актуален в течение многих столетий и определяет внешнюю политику многих государств вплоть до наших дней.

Однако этот девиз завоевательной власти мог иметь место не только в экспансивной политике римского государства. Становление этого принципа может уходить корнями в глубокую древность и, возможно, имеет отношение к деятельности римских жрецов-авгуров [2, с.62–99]. Цицерон сообщает, что авгуры имели право роспуска народных собраний, право отмены принятых законов; без их одобрения не принималось ни одно решение римских магистратов (*Cic. Leg. II 12–31*). Сами гадания и их содержание были сложны и разнообразны: гадания по полёту птиц, по удару молнии и т.д., но главным было наблюдение за звездами или дивинации. Место гаданий по звездам находилось на Капитолийском

холме и называлось *auguraculum*, время – с полуночи до рассвета. О результатах дивинаций авгур докладывал сенату уже на следующее утро.

Марк Теренций Варрон (II–I вв. до н.э.) в трактате «О латинском языке» подробно описывает церемонию дивинации (LL. VII 7): авгур во время дивинации виртуально делил авгурским жезлом небесный свод на четыре части при помощи двух условных перпендикулярных линий. Каждая из частей обозначала стороны света, причем левая часть считалась благоприятной: *caelum ...dictum templum; ... ejus templi partes quattuor dicuntur, sinistra ab oriente, dextra ab occasu, antica ad meridiem, postica ad septentrionem* – «небо... считалось храмом; частей этого храма, как говорят, было четыре: от востока – слева, от запада – справа; передняя часть – к югу, задняя – к северу». При этом важно заметить, что расположение частей света описано Варроном с точки зрения локации авгура, располагавшегося на вершине Капитолийского холма. Затем авгур изучал небесные явления, происходящие в этих условно разделенных частях неба, причём каждую из частей он мог еще мысленно разделить на три или четыре части для более детального их изучения. В итоге рассмотрения и изучения полученных данных авгур мог сделать окончательный вывод о характере божественного знамения.

Дионисий Галикарнасский в своем обширном произведении «Римские древности» (III. 70. 3) сообщает о подобном расследовании, проведенном на земле авгуrom по имени Аттий. Чтобы найти в винограднике самую крупную гроздь винограда и затем пожертвовать её Юпитеру, авгур жезлом делит виноградник на части, следя при этом за движением птиц и деля виноградник на всё более мелкие части, что и приводит его к крупной грозди. Приведённый эпизод часто считают моделью, применимой к анализу судебного расследования, когда путём деления целого на части определяется искомый объект и в результате торжествует истина. Таким образом, в этом примере принцип *divide et impera* выступает уже не в политическом или военном значении, а в смысле способа познания или способа исследования, хотя и довольно примитивного [1, с. 200–201].

Намёк на необычное значение *divide et impera* – в различных частях трактата Цицерона «Топика», где автор рассуждает о доказательствах. Например, *Topica V. 28: Atque etiam definitiones aliae sunt partitionum, aliae divisionum: partitionum, cum ea res, quae proposita est, quasi in membra discerpitur ... Divisionum autem definitio formas omnes complectitur, quae sub eo genere sunt, quod definitur...* – «Ведь также одни определения делаются

посредством расчленения, другие – через разделение. Через расчленение, когда вещь, которая представлена к рассмотрению, как бы рассекается на части... Определение же через разделение включает в себя все виды, относящиеся к тому роду, который определяется». В другом месте этого же трактата Цицерон сообщает: *Commode etiam tractatur haec argumentatio, quae ex genere sumitur, cum ex toto parte sequare... quod genus argumenti imprimis firmum videri solet.* – «Доказательство, которое извлекается из вида, бывает удобным и действенным, если выявляешь из целого части ... этот род доказательства следует считать одним из наиболее сильных» (X. 40).

В итоге можно с осторожностью допустить, что способ познания не только небесных явлений, но и действительности вообще сформировался в древнем Риме под влиянием изучения небесных знамений (дивинаций) жрецами-авгурами. Иными словами, *divide* – разделяй то, что изучаешь; *impera* – властвуй, т.е. делай вывод. В то же время очевидно, что в классической греческой философии, развившейся значительно раньше римской, утвердился, начиная с Аристотеля, и используется до настоящего времени греческий термин *analysis* в значении «разложение, расчленение, решение проблемы» и *synthesis* «синтез – соединение элементов в единую картину» [5, p. 112].

Таким образом, принцип *divide et impera*, сформулированный в Новое время как принцип власти и завоевательной политики, в архаическом Риме мог также иметь отношение к формированию аналитическо-синтетического способа познания и изучения мира древними римлянами, получившего системное развитие в Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т: [перевод с древнегреческого] / Дионисий Галикарнасский. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI века», 2005. – Том 1 – 270 с.
2. Кофанов, Л. Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме: К вопросу о становлении рим. сакрал. и публич. права / Л. Л. Кофанов, А. В. Сморгачев, Н. Г. Майорова и др. – М.: Наука, 2001. – 326 с.
3. Мериме, П. Хроника времен Карла IX / П. Мериме [перевод Кузмина М. А.]. – М.: «Вита-Нова», 2009. – 435 с.
4. Boccacini, Traiano. De Ragguagli di Parnasa / Traiano Boccacini. – Venetia, 1612. – URL: https://liberliber.eu/esplora/libri/autori_d.html. (date of access: 20.01.2025).

5. Greek-English Lexicon. / ed. by H.G. Liddell and R. Scott. – Oxford: Clarendon press, 1996. – 2042 p.
6. Hall, J. Meditations and Vows: divine and moral. / J. Hall. – N-Y.: Paperback edition, 2010. – 256 p.
7. Machiavelli, Niccolo. Tutto le Opere. / Niccolo Machiavelli. A cura di Mario Martelli Sansone. – Editore Firenze, 1971. – 1282 p.

УПРАВЛЯЕМАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК»

Протасевич Н. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается формат выполнения управляемой самостоятельной работы студентов исторического факультета и факультета философии и социальных наук БГУ, которая представляет собой эвристическое задание в рамках изучения дисциплины «Латинский язык».

Ключевые слова: дисциплина «Латинский язык»; управляемая самостоятельная работа студентов; эвристическое задание.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед высшей школой, является повышение качества подготовки специалистов. Студент и выпускник высшего учебного заведения должны не только получать знания по предметам программы, овладевать умениями и навыками использования этих знаний, но и уметь самостоятельно приобретать новые научные сведения. В настоящее время роль самостоятельной работы студентов увеличивается в связи с тем, что по ряду учебных дисциплин сокращены аудиторные часы. «В целях усиления практико-ориентированной направленности компетентностно-ориентированной подготовки студентов/выпускников вузам предоставлено право переводить до 40 % предусмотренных типовым учебным планом по специальности аудиторных занятий в управляемую самостоятельную работу (УСР)» [1, с. 120]. Отметим, что данная форма работы студентов – это такой вид деятельности, в ходе которой молодой человек, руководствуясь специальными методическими указаниями преподавателя, приобретает и совершенствует знания, умения и навыки, накапливает опыт практической деятельности. «Управляемая самостоятельная работа обучающихся – это самостоятельная работа, выполняемая по заданию и при методическом руководстве (консультациях) преподавателя и контролируемая им на определенном этапе обучения, как в аудитории, так и путем проверки контрольных заданий, в том числе в режиме online. Цели УСР таковы: активизация учебно-познавательной деятельности обучаемых;

формирование у студентов умений и навыков самостоятельного приобретения и обобщения знаний; формирование у обучаемых умений и навыков самостоятельного применения знаний на практике; саморазвитие и самосовершенствование» [2, с. 6].

УСР осуществляется без непосредственного участия педагога при максимальной самостоятельности и активности самого обучающегося, что активизирует учебно-познавательную деятельность студентов. Эта работа формирует у них профессиональные умения и навыки путем приобретения и обобщения знаний без преподавателя, способствует саморазвитию и самосовершенствованию.

В рамках изучения дисциплины «Латинский язык» на историческом факультете БГУ запланировано одно занятие УСР для студентов 1 курса по теме «Числительные. Категории числительных: количественные, порядковые, разделительные, числительные-наречия. Склонение числительных». При изучении данной темы студенты должны самостоятельно разобрать употребление падежных форм имени при количественных числительных в латинском языке, а также согласование сложных порядковых числительных с именем существительным. Здесь следует отметить генетическую близость латинских числительных в ряде индоевропейских языков. «Контроль УСР может осуществляться в виде выполнения контрольной работы, тестирования, коллоквиума, собеседования, обсуждения рефератов, защиты учебных заданий, защиты творческих работ и других мероприятий» [2, с. 6]. При изучении дисциплины «Латинский язык» формой контроля результатов УСР является эвристическое задание, которое предполагает составление мини-справочника памятных дат по истории Беларуси или Древней Греции и Рима. «Эвристическое задание – важнейший компонент содержания эвристического обучения – «открыто» для любого студента, т. е. не имеет однозначных «правильных» ответов. В открытости задания заложена возможность для обучающегося совершать собственные открытия. Получаемый студентом результат всегда уникален и отражает степень его индивидуального творческого самовыражения» [3, с. 6]. Студенты выполняют такое задание в формате презентаций Microsoft PowerPoint, который на сегодняшний день является наиболее популярным и простым в использовании инструментом для создания слайдов. В качестве примеров исторических событий, дату которых студенты записывают латинскими числительными, приведем следующие: первое упоминание Турова, битва на реке Немиге, Первый Статут ВКЛ, Люблинская и Кревская уния, первое

упоминание Полоцка и Орши, создание Института истории Национальной академии наук Беларуси и т.д. Примеры оформления слайдов см. на Рисунках 1, 2, 3.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Исторические события Древней Греции и Рима в работах студентов следующие: первые Олимпийские игры, победа при Заме, победа Ганнибала над римлянами при Каннах, реформа Тиберия Гракха, убийство Юлия Цезаря, падение Западной Римской Империи и др. Отметим также, что в данном задании студентами-историками часто допускается следующая ошибка: латинские числительные даны в форме именительного падежа вместо аблятива. Пример слайда неправильного оформления латинских порядковых числительных см. на Рисунке 4.

Рисунок 4

Для студентов факультета философии и социальных наук БГУ 1-го курса предусмотрено также одно занятие в форме управляемой самостоятельной работы по теме «Философская лексика латинского происхождения», включающая в себя греческие заимствования в латинском языке. Как известно, лексический состав латыни является основой интернациональной терминологии, например, философской, социальной, лингвистической, литературоведческой, технической, медицинской и т.д. Формой контроля результатов УСР факультета философии и социальных наук является эвристическое задание, которое предполагает составление мини-словаря философских терминов в формате презентаций Microsoft PowerPoint.

Приведем примеры таких терминов из студенческих работ: *рефлексия, абстракция, нигилизм, априори, абсолют, объект, материя, субстрат, резиньяция* и т.д. Отметим также презентацию, где студент собрал термины с суффиксом *-ism-*: *детерминизм, сциентизм, деизм, эмпиризм, гуманизм, идеализм, волюнтаризм, позитивизм, структурализм,*

экзистенциализм, модернизм. Этот суффикс образует существительные, обозначающие состояния, качества, названия учений и общественных течений. Примеры оформления слайдов см. на Рисунках 5, 6.

Рисунок 5

Рисунок 6

Как известно, цель учебного процесса – это не только передача знаний, умений и навыков от преподавателя к студенту, но и развитие у студентов способности к непрерывному самообразованию, стремлению к обновлению знаний и творческому их использованию на практике. Так, можно отметить презентацию студентки ФФСН, где мы видим слайды с хорошим визуальным представлением информации: репродукции картин известных художников и крылатые латинские выражения (см. Рисунки 7, 8).

Рисунок 7

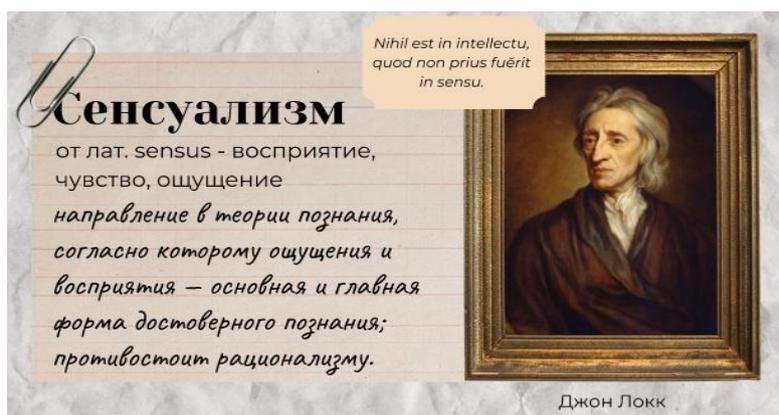

Рисунок 8

Управляемая самостоятельная работа студентов, которая проводится на всех факультетах БГУ, является целенаправленной и особым образом организованной деятельностью преподавателей и студентов. Такая работа основана на создании индивидуально-групповой познавательной активности по системному освоению лично и профессионально значимых, умений и навыков, способов их получения и представления. УСР в высшей школе однозначно способствует формированию профессиональной компетентности, обеспечивает процесс развития методической зрелости студентов способствует развитию навыков самоорганизации и самоконтроля собственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров, А. В. Особенности белорусских стандартов высшего образования третьего поколения и проблемы их реализации / А. В. Макаров // Высшая школа:

проблемы и перспективы: материалы 11-й Междунар. науч.- метод. конф., Минск, 30 окт. 2013 г. – Минск: РИВШ. – 2013. – С. 117–123.

2. Положение о самостоятельной работе студентов и курсантов в Белорусском государственном университете: утв. приказом ректора БГУ 10.02.2014 № 50 – ОД. – Режим доступа: <http://www.bsu.by/Cache/Page/543073.pdf>. – Дата доступа: 21.03.2017.

3. Филология. Журналистика. Эвристические (открытые) задания участников оргдеятельностного семинара «Методика обучения через открытие: как обучать всех по-разному, но одинаково». Практикум / под ред. А. Д. Короля. – Минск : БГУ, 2018. – 71 с. – (Межвузовская серия «Креативное образование»).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ЛАТИНСКОЙ КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Стриго Е. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантики непроеизводных глаголов с латинской корневой морфемой. В соответствии с семантической классификацией глагольной лексики, представленной в «Толковом словаре русских глаголов», устанавливается, что большинство лексико-семантических вариантов исследуемых глаголов входит в семантическое поле «Действие и деятельность» (около 67 %). Семантическое поле «Отношение» представлено в значительно меньшей степени (около 24 %). Самым малочисленным оказывается семантическое поле «Бытие, состояние, качество» (около 9 %).

Ключевые слова: непроеизводные глаголы с латинской корневой морфемой; семантическое поле; лексико-семантическая группа; лексико-семантический вариант.

На современном этапе развития лингвистики одним из актуальных вопросов является изучение семантики различных частей речи, в том числе и глагола. Объектом исследования в настоящей работе являются 260 непроеизводных глаголов с корневой морфемой латинского происхождения (*аблактировать* < лат. *ab* (от) и *lac, lactis* (молоко) [2]; *ассимилировать* < нем. *assimilieren*, фр. *assimiler* < лат. *assimilare* (делать похожим, подобным); *вибрировать* < лат. *vibrare* (колебаться, дрожать) [1]), которые возглавляют словообразовательные гнезда, зафиксированные в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [3]. Практически все данные лексемы характерны для письменной речи, многие встречаются только в обиходе узких специалистов (*легировать* (металл.) ‘вводить (ввести) в металл или металлический сплав другой элемент (хром, вольфрам и др.) для улучшения физико-химических и механических свойств металла (сплава)’; *продлонгировать* 1. (книжн.) ‘удлинять (удлинить) установленный для чего-либо срок’ 2. (мед.) ‘продлевать какой-либо процесс или действие’ [1]). В единичных случаях среди иноязычных вербальных единиц встречаются разговорные лексемы (*презентовать* (устар., шутл.) ‘преподнести (преподносить), подарить (дарить)’ [1]) и глаголы, относящиеся к устаревшей лексике

(эскамотировать (устар.) ‘ловко присваивать (присвоить) или незаметно подменять (подменить) что-н.’ [1]).

Что касается семантической классификации глагола, то в настоящее время у исследователей нет единой точки зрения по данному вопросу. В нашей работе рассмотрение семантики непроемных глаголов мы проводили, опираясь на данные «Толкового словаря русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко [4]. В данном издании глагольная лексика распределена по семантическим группировкам с учетом их иерархической организации: по семантическим полям, семантическим подполям и семантическим группам [4, с. 16–17]. В указанном словаре выделяются три основных семантических поля глаголов: 1) «Действие и деятельность»; 2) «Бытие, состояние, качество»; 3) «Отношение». Каждое поле характеризуется своей собственной внутренней структурой. Так, поле «Действие и деятельность» включает в себя еще 10 подполей, которые могут конкретизироваться в еще более мелкие семантические объединения. Например, в подполе «Глаголы перемещения объекта» входит несколько лексическо-семантических групп (ЛСГ), среди них ЛСГ «Глаголы направленного перемещения», которая включает в себя еще четыре лексические группировки с еще большей конкретизацией значения. Для каждой отдельной ЛСГ в словаре приводится типовая семантика и базовые глаголы. Например, для группы «Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов», указана типовая семантика ‘заставлять (заставить) какой-л. объект перемещаться откуда-л. куда-л.’ и базовые глаголы: *перемещать (переместить), перемещаться (переместиться); заставлять (заставить) переместиться*. В соответствии с данными характеристиками в эту группу мы относим такие глаголы, как *импортировать, экспортировать, эвакуировать* и др.

Внутри конкретных лексико-семантических групп слова в «Толковом словаре русских глаголов» приводятся в определенном лексико-семантическом варианте (ЛСВ), поэтому многозначные лексемы в разных своих ЛСВ могут относиться к разным ЛСГ. Так, например, глагол *агитировать* в ЛСВ ‘Разг. Сообщая что-л. кому-л. (обычно многим, всем), убеждать (убедить) в чем-л., склонять (склонить) к чему-л.’ относится к семантическому полю «Действие и деятельность», подполю «Глаголы речевой деятельности», ЛСГ – «Глаголы речевого воздействия» [4, с. 374], в ЛСВ ‘Заниматься устной и печатной деятельностью с целью политического и др. воздействия на людей; заниматься пропагандой своих

взглядов, стремясь приобрести сторонников' данный глагол входит в семантическое поле «Действие и деятельность», подполе «Глаголы социальной деятельности», ЛСГ «Глаголы общественно-политической деятельности» [4, с. 389], в ЛСВ 'Доказывая свои убеждения, заниматься устной и печатной деятельностью с целью политического и др. воздействия на людей; заниматься пропагандой своих взглядов, стремясь приобрести сторонников' – входит в семантическое поле «Отношение», подполе «Глаголы социальных отношений», ЛСГ «Глаголы влияния», подгруппу «Глаголы убеждения» [4, с. 621]. Однако примеров подобного рода мы обнаружили не очень много, так как среди рассматриваемых нами иноязычных глаголов преобладают однозначные лексемы (176 (68 %) из 260). Всего мы рассмотрели 309 ЛСВ глаголов с корневой морфемой латинского происхождения.

В ходе анализа выяснилось, что большинство исследуемой нами лексики входит в поле «Действие и деятельность» (207 ЛСВ глаголов), самыми многочисленными являются следующие семантические подполя:

– «Глаголы физического воздействия на объект» (43) в рамках ЛСГ «Глаголы очищения и удаления объекта» (*вентилировать, дистиллировать, декортицировать*), «Глаголы повреждения объекта» (*интернировать, корродировать*), «Глаголы отрицательного воздействия на объект» (*контузить, детонировать*), «Глаголы соединения» (*комбинировать, интегрировать, компилировать, консолидировать, контаминировать*), «Глаголы разделения» (*дифференцировать*), «Глаголы отделения» (*ампутировать, кастрировать, резецировать*);

– «Глаголы созидательной деятельности» (35) в рамках ЛСГ «Глаголы создания объекта в результате трудовой деятельности» (*импровизировать, компоновать, конструировать, фальсифицировать, формулировать*), «Глаголы собирания» (*конденсировать, концентрировать, аккумулятировать*), «Глаголы графической передачи информации» (*регистрация*), «Глаголы приведения объекта в прежнее состояние» (*реабилитировать, реставрировать, регенерировать*);

– «Глаголы интеллектуальной деятельности» (35) в рамках ЛСГ «Глаголы восприятия» (*перлюстрировать, перцепировать*), «Глаголы выбора» (*аттестовать, констатировать, трактовать, фиксировать, формулировать*), «Глаголы решения» (*редактировать, инспектировать*), «Глаголы определения» (*квалифицировать, конституировать*);

– «Глаголы социальной деятельности» (34) в рамках ЛСГ «Глаголы общественно-политической деятельности» (*агитировать, кооперировать,*

дискриминировать), «Глаголы издательской деятельности и распространения информации» (*демонстрировать, информировать, публиковать, транслировать*), «Глаголы использования» (*оперировать*), «Глаголы воспроизведения» (*декламировать, имитировать, копировать*), «Глаголы профессионально-трудовой деятельности» (*ассистировать, оперировать*);

– «Глаголы речевой деятельности» (28) в рамках ЛСГ «Глаголы характеризованной речевой деятельности» (*диктовать, скандировать*), «Глаголы речевого сообщения» (*инструктировать, комментировать, рекламировать*), «Глаголы обращения» (*апеллировать*), «Глаголы речевого воздействия» (*агитировать*);

– «Глаголы перемещения объекта» (15) в рамках ЛСГ «Глаголы направленного перемещения» (*командировать, эвакуировать, импортировать*).

В семантическое поле «Отношение» мы включили 74 ЛСВ рассматриваемых глаголов. Их относительная частотность фиксируется в семантических подполях:

– «Глаголы владения» (26) в рамках ЛСГ «Глаголы приобретения» (*адоптировать, конфисковать, мобилизовать, оккупировать*), «Глаголы лишения» (*дискриминировать*), «Глаголы передачи объекта» (*ассигновать*);

– «Глаголы социальных отношений» (25) в рамках ЛСГ «Глаголы влияния» (*агитировать, провоцировать*), «Глаголы подчинения» (*муштровать*), «Глаголы помощи» (*консультировать*), «Глаголы обеспечения» (*инвестировать*), «Глаголы управления» (*администрировать, дирижировать, регулировать*).

Меньшим количеством глагольной лексики представлены подполя «Глаголы взаимоотношения» (9) (ЛСГ «Глаголы взаимосвязи» (*реагировать*), «Глаголы замены» (*компенсировать*)) и «Глаголы межличностных отношений» (8) (ЛСГ «Глаголы эмоционально-оценочного отношения» (*дискредитировать, дискриминировать*), «Глаголы внешнего проявления отношения» (*игнорировать*)).

Только 28 ЛСВ непроизводных глаголов оказалось в семантическом поле «Бытие, состояние, качество», в рамках которого подполе «Глаголы качественного состояния» включает в себя 18 глагольных лексем, относящихся к ЛСГ «Глаголы проявления признака» (*варьировать, корректировать*) и «Глаголы физиологического состояния» (*галлюцинировать*). Подполе «Глаголы бытия» представлено всего 7

глаголами, входящими в состав ЛСГ «Глаголы прекращения бытия» (*капитулировать*).

Таким образом, семантическое своеобразие непроизводных глаголов с латинской корневой морфемой заключается в следующем. Большинство ЛСВ исследуемой нами лексики (около 67 %) входит в семантическое поле «Действие и деятельность», наиболее наполненными являются семантические подполя «Глаголы физического воздействия на объект», «Глаголы созидательной деятельности», «Глаголы интеллектуальной деятельности» и «Глаголы социальной деятельности». Семантическое поле «Отношение» представлено в меньшей степени (около 24%), в основном за счет семантических подполей «Глаголы социальных отношений» и «Глаголы владения». Самым малочисленным оказалось семантическое поле «Бытие, состояние, качество» (около 9 % ЛСВ исследуемых глаголов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : около 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998. – 847 с.

2. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 1. – 1985. – 702 с.

3. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : более 145 000 слов : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 2 т.

4. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДОКУМЕНТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Ярошук В. В.

Национальная академия наук Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые частотные латинские термины из документов Великого княжества Литовского, изначальные значения которых в классической латыни отличались от тех значений, которые были приняты для реалий ВКЛ.

Ключевые слова: латиноязычные документы; классическая латынь; средневековая латынь; Великое княжество Литовское; ВКЛ; перевод.

Латинский язык начал использоваться в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) еще в XIII в., однако более активно он стал распространяться в конце XIV–XV вв., после заключения Кревской унии в 1385 г., когда латинский язык был введен в делопроизводство ВКЛ.

Использование латыни в ВКЛ было связано, прежде всего, с дипломатией, наукой, правом и церковной деятельностью. И, хотя для внутреннего делопроизводства больше пользовались старобелорусским и польским языками, сохранилось значительное количество документов и на латыни. Основным источником документов, относящихся к ВКЛ, является Литовская Метрика, в которой можно найти как изначально написанные на латыни документы, так и переводные со старобелорусского.

Читатель, даже знающий классическую латынь, может испытать определенные трудности при работе с латиноязычными документами Великого княжества Литовского. Канцелярский латинский язык XIV–XVII вв. отличается от классической нормы и основывается больше на средневековой латыни. Основная часть словарного запаса средневековой латыни взята, конечно, из классической, однако средневековая латынь содержит множество различных новообразований, и наряду с античными значениями слов часто появляются новые. Кроме того, есть изменения в графике, морфологии и синтаксисе, что вызывает необходимость особого внимания при переводе источников.

Основная трудность перевода связана с характерными для эпохи юридическими и административными терминами и выражениями, для которых латинские писари ВКЛ пытались найти аналоги в латыни. Также

стоит отметить, что иногда значение одного и того же слова в документах ВКЛ отличалось от его значения в документах западных канцелярий.

Приведём примеры самых частотных для документов ВКЛ латинских терминов, которые существовали в классической латыни, однако вследствие новой традиции приобрели другие значения. Значения для слов классической латыни приведены из латинско-русского словаря И. Х. Дворецкого [2], а слов из документов ВКЛ – из латинско-белорусского словаря актового языка ВКЛ А. А. Жлутки [3] и латинско-польского словаря для юристов и историков Януша Сонделя [1].

- Слово *dux*, которое изначально обозначало вождя и военачальника, приобретает значение ‘князь или гетман’, из-за чего и слово *ducatus* стало ‘княжеством’, при том, что изначально *ducatus* в латыни обозначало ‘должность и звание предводителя, начальство’. В западноевропейских документах термином *dux* называют герцога.

- Термин *princeps* в классической латыни – принцепс, т. е. первый в списке сената; в документах ВКЛ может использоваться в значении пан; господарь, князь, а с определением *supremus* – ‘великий князь’. Хотя для обозначения князя литовского чаще употребляют термин *dux*, для западноевропейских князей используется термин *princeps*: например, «князь Трансильвании» всегда на латыни *princeps Transsylvaniae* (как, например, Стефан Баторий).

- *Palatinus* – служащий императорского двора в Древнем Риме, а в ВКЛ, как правило, – воевода (*palatinatus*, соответственно, следует переводить как ‘воеводство’), однако словари также дают и некоторые другие варианты: ‘каштелян, подскарбий, гетман’. В Западной Европе этому термину соответствует значение ‘пфальцграф’.

- *Advocatus* – в Древнем Риме – судебный защитник, адвокат; Такое же значение имелось и в ВКЛ. Но чаще *advocatus* переводится, как ‘войт’, а *advocatia*, соответственно, ‘войтовство’.

- *Ministerialis* ‘императорский сановник’ в классической латыни. Для ВКЛ могло иметь значение ‘придворный слуга’, а также ‘возный’, т. е. судебный исполнитель, следователь. Часто лексема *ministerialis* в документах поясняется польским словом *dziecki* (дзецкий) (...*Ministerialium alias dzieckich*...).

- *Consul* высшая выборная должность в Древнем Риме, а в ВКЛ – райца, член магистрата; в то же время для термина *proconsul*, что в классической латыни ‘бывший консул, назначенный правителем (наместником) провинции’, в ВКЛ было принято значение ‘бурмистр’.

- **Fundatio** в классической латыни ‘основание’, а для ВКЛ, помимо этого значения, через польский язык к нам приходит значение ‘фундуш’ – пожертвование монастырям, церквям, костелам и другим учреждениям земли и разных материальных благ, либо акт такого содержания.

- **Curia** – совокупность нескольких родов в Древнем Риме, а для документов ВКЛ закрепляется значение ‘двор, поместье’.

- **Miles** – изначально ‘воин’. В контексте феодальной системы ВКЛ лексема *miles* могла использоваться для обозначения рыцаря и шляхтича, который по статусу был обязан служить в войске.

- Когда для термина не находили подходящий эквивалент в латыни, переводили его описательно, то есть несколькими словами. Так, продуктивными латинскими лексемами являются *praefectus* и *magister*, которые имеют значение ‘начальник, глава’. Так появились термины ‘городничий’ *praefectus castelli* (глава замка), ‘мостовничий’ *praefectus pontium* (глава мостов) *praefectus currum* ‘подводничий’; *magister carraginis* ‘обозный’ (глава обоза) и т.д.

- **Nobilis** в классической латыни – прилагательное ‘благородный, славный’; затем до XIV века это слово использовалось для обозначения знати. После этого, как правило, стало использоваться в значении ‘дворянин’, а в документах ВКЛ ‘шляхтич, боярин’ или определения ‘шляхетный’.

- Слово *capitaneus* возникло только в позднелатинском из лексем *caput* в классической латыни. В целом, *capitaneus* – это термин, который на протяжении всей истории мог использоваться для обозначения людей, занимающих руководящие должности, однако во времена ВКЛ так принято называть старосту.

- **Forum** – помимо первого значения ‘рынок’, для периода ВКЛ может обозначать как еженедельный торг, так и ежегодную ярмарку (в кириллических документах приняты именно два разных термина), это нужно учитывать при переводе документов. Приведем пример использования этого слова в привилее городу Каменцу: *Insuper licet septimalia fora ex veteri praedecessorum nostrorum institutione in oppido ipso teneri consueverunt. Tandem nos quoque denuo per praesentium tenorem propter eam quae meminimus conditionem eiusdem oppidi meliorem de speciali gratia nostra tria fora annualia* («Кроме того, хотя в самом городе обычно проводили еженедельные торги по давнему установлению наших предшественников, мы отныне содержанием этого листа, помимо этого,

для улучшения положения того же города по нашей особой милости устанавливаем также **три ежегодные ярмарки**» – здесь и далее перевод наш – В. Я.) [4].

Новые реалии сподвигали создавать новую лексику, но она всё ещё базировалась на латинских корнях. Так появились следующие слова, которых нет в словаре классической латыни: *tenutarius* ‘державца’. Данный термин был образован от латинского глагола *teneo* ‘держатъ’; *mansus* ‘надел земли, волока’ (21,36 га) от латинского глагола *manere* ‘оставаться, жить’

Очевидно, что имелись сложности в адаптации чужого языка к местным реалиям. Писари находили соответствия славянским терминам в латыни, но этот язык всё равно был искусственным для действительности ВКЛ, и не было точных общепринятых соответствий между старобелорусским и латинским словом. Иногда ложных интерпретаций старались избежать путём вставки славянских терминов рядом с латинскими или вместо них. Примеры выражений, где сначала употребляется латинское слово, а затем следует его пояснение на польском: *contributiones dictae Ordynszysna* (‘подати, именуемые ордынщиной’); *desertatis, ut vulgo dicitur pustovczinamy* (‘заброшенными землями, что в народе называют пустовщинами’); *Mellis crudi alias przasnego* (‘мёда сырого, иначе прашного’).

Таким образом, при работе с латиноязычными документами Великого княжества Литовского следует учитывать специфику языка того времени и культурно-исторический контекст. Для корректного перевода лексики подобных текстов исследователю важно использовать не только специализированные словари, но и сопоставлять латинские документы с подобными кириллическими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sondel, J. Słownik łacińsko polski dla prawników i historyków / J. Sondel. – Kraków: Universitas, 2011. – 1039 s.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – Изд. 2-е. – 1096 с.
3. Жлутка А. А. Лацінска-беларускі слоўнік актавай мовы ВКЛ XIII–XVIII ст. ст.: у двюх частках / А. А. Жлутка. – Мінск: БелНДДАС, 2011.
4. Национальный Исторический архив Беларуси. КМФ-18. Д.62. Л. 20-20об.

НАШИ АВТОРЫ

1. **Абрамова Арина Васильевна**, студентка 3-го курса Института филологии Петрозаводского государственного университета.

2. **Аслюк Филипп Викторович**, студент 4-го курса филологического факультета БГУ.

3. **Гарник Антонина Васильевна**, профессор кафедры классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

4. **Грицевич Владимир Дмитриевич**, преподаватель Минской духовной академии, студент 4-го курса филологического факультета БГУ.

5. **Драгун Матвей Александрович**, студент 4-го курса филологического факультета БГУ.

6. **Ермоленко Кристина Дмитриевна**, преподаватель кафедры латинского языка БГМУ.

7. **Жукова Мария Алексеевна**, студентка 3-го курса Института филологии Петрозаводского государственного университета.

8. **Кириченко Арина Владимировна**, заведующий кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

9. **Котова Мария Александровна**, студентка 4-го курса филологического факультета БГУ.

10. **Круглик Наталья Анатольевна**, заведующий кафедрой латинского языка Белорусского государственного медицинского университета, кандидат педагогических наук, доцент.

11. **Леончик Елена Сергеевна**, преподаватель кафедры классической филологии БГУ.

12. **Литинская Евгения Петровна**, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

13. **Минкевич Дмитрий Геннадьевич**, старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

14. **Мокрицкая Татьяна Петровна**, старший преподаватель кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета.

15. **Мушнина Людмила Николаевна**, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского

государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук, доцент.

16. **Петрова Мила Робертовна**, студентка 3-го курса Института филологии Петрозаводского государственного университета.

17. **Протасевич Наталья Викторовна**, старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

18. **Сенько Кристина Викторовна**, преподаватель кафедры латинского языка БГМУ.

19. **Стриго Екатерина Викторовна**, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

20. **Ярошук Валерия Владимировна**, младший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси.